

Андрей Гронский

Обаяние тоталитаризма

Тоталитарная психология в
постсоветской России

Андрей Гронский

**Обаяние тоталитаризма.
Тоталитарная психология
в постсоветской России**

«Издательские решения»

Гронский А.

Обаяние тоталитаризма. Тоталитарная психология в постсоветской России / А. Гронский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832326-3

В книге представлен обзор психологических исследований, объясняющих особенности мышления и поведения людей, способствующих формированию авторитарной и тоталитарной структуры общества, анализируется специфика их происхождения и проявления в отечественной культурно-исторической ситуации. Обсуждаются социально-психологические феномены, характерные для общественной жизни современной России, и факторы, на них влияющие, в частности, воздействие массмедиа. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-832326-3

© Гронский А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Социально-исторический фон нашей нынешней ситуации	9
Политический режим в современной России	9
Из СССР в современную Россию: попытка психоисторической реконструкции	16
Метаморфозы личностной идентичности на пути из советской в постсоветскую эпоху	23
Часть 2 Страх и ненависть в России 2014—2015 годов	26
Социальные процессы и психиатрия	26
Эпидемия «восставших с колен»: хроники безумия	28
Социально-психологические последствия эпидемии «восставших с колен»	44
«Синдром ура-патриота»	45
«Синдром отщепенца»	50
Прощание с вымышленной страной: стадии культурного шока	57
«Синдром конформиста». Конформистский спектр	59
Разобщение	63
Дифференциация	64
Экзистенциальный раскол	67
Психологическая атмосфера	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Обаяние тоталитаризма Тоталитарная психология в постсоветской России Андрей Гронский

© Андрей Гронский, 2016

© Константин Еременко, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2326-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

*Использованные в тексте экспрессивные выражения и не нор*****ная лексика не преследуют целью оскорбить какого-либо из граждан или видных государственных деятелей. Если читатель найдет в представленных описаниях сходство с собой или со своими знакомыми и близкими, то совпадение совершенно случайно.*

Предисловие

Побуждением к написанию этой книги послужила ментальная катастрофа, которая постигла граждан России весной и летом 2014 года. Книга посвящена анализу проявлений этой катастрофы и, что более важно, ее скрытых причин. Очевидцы этих еще недавних событий, сохранившие критическое мышление, хорошо помнят шок, который они испытали, видя то, что происходило с их соотечественниками – ведь коренная ломка в чувствах, ценностях и мышлении множества людей произошла совершенно неожиданно, внезапно. Это можно сравнить с потрясением в ситуации, когда у внешне здорового знакомого вам человека внезапно случился инсульт, и вы с трудом пытаетесь разглядеть в нем прежнюю личность. В книге я постараюсь описать то, что происходило с сознанием людей в этот период и проанализировать причины поразившей наше общество болезни, которые до времени скрывались за маской мнимого благополучия. Эта болезнь существовала подспудно, и когда сложились благоприятные для нее условия, она манифестировала ярко и неожиданно. Безусловно, корни этой ментальной и социальной катастрофы находятся глубже, нежели случайное стечение нескольких внешних обстоятельств, они существовали ранее, но плоды в явной форме проявились только в последнее время.

Большая часть этой работы была написана в период 2014 и 2015 годов. Мое желание написать ее связано отнюдь не с любовью к занятиям эпистолярным жанром или большим интересом к политике. Скорее, это потребность и необходимость отреагировать на произошедшую драму, на страшные, нелепые и шокирующие вещи, с которыми приходилось и приходится сталкиваться каждый день. Куда с большим удовольствием я написал бы о вопросах, связанных с индивидуальной и групповой психотерапией, или обучением оной, но по моим ощущениям (и я знаю, что и другие люди переживали нечто подобное) в сложившейся ситуации, это примерно то же самое, что заниматься поливкой цветов на подоконнике в то время, когда дом охвачен пожаром. Поэтому, в определенном смысле, можно сказать, что не я выбрал эту тему, а тема выбрала меня. Любопытно, что несмотря на бурю эмоций, которая кипела в обществе в 2014—2015 годах, большинство представителей психологического и психотерапевтического сообществ за исключением считанных единиц хранили молчание относительно происходящего, предпочитая обсуждать все что угодно – от новых открытий в области супервизии до проблем адаптации к быстро меняющемуся миру – но при этом ни в коем случае не касаясь того, что творится непосредственно у них под носом. Надеюсь, что в книге я дам объяснение и этому феномену.

Впоследствии наверняка нынешнее время будет привлекать внимание исследователей, и поэтому важно сейчас задокументировать то, что происходило, для того чтобы оно не исчезло полностью из коллективной памяти, а также по возможности осмыслить происходящее. Хотя в свете последних событий в России и начинают возникать сомнения, что историческая память и написанные книги кого-то чему-то учат, и появляется ощущение, что напрасен был труд писателей гуманистов и антифашистов, тем не менее, я отдаю себе отчет, что это не так. Просто результат передачи прошлого опыта не такой быстрый и действенный, на какой бы хотелось рассчитывать.

Что касается моей позиции при изложении материала, то, безусловно, она не является абсолютно беспристрастной, и материал изложен с точки зрения сторонника демократических ценностей. Как писал известный исследователь воздействия тоталитаризма на психику человека Роберт Лифтон: «Книга об экстремизме призывает к особой мере объективности. Это не значит, что ее автор может претендовать на полную личную или моральную беспристрастность, непредубежденность. Допущение о подобной беспристрастности в психологи-

ческой (или любой другой) работе в лучшем случае является самообманом, а в худшем случае – источником опасного искажения».¹

Фрагменты набросков, вошедших в эту работу, ранее я выкладывал в блогосфере. Отклики, которые доходили до меня были в основном положительные. Хотя были, конечно, и критические замечания. Так один «патриотически» настроенный профессор обозвал меня «социологом-любителем» и обвинил в бездоказательности, а одна женщина-психолог задавала риторический вопрос: «Зачем об этом писать? Психолог/психотерапевт не может это изменить. Нужно заботиться о том, как человеку помочь адаптироваться к обществу!» Что касается первого возражения, то я отнюдь не претендую на то чтобы отнять хлеб и политологов и социологов. То, что происходит в обществе, рассматривается разными науками – социологией, экономикой, политологией, психологией, социальной психиатрией и т. д. Существует такая дисциплина как социальная психотерапия. Так что у психотерапевтов и психиатров здесь тоже есть поле для исследований. Что касается эмпирического материала описанного в книге, то он был собран преимущественно посредством метода включенного наблюдения и многочисленных бесед с людьми. Как известно, наблюдение – это общепринятый метод исследования для социологии, психологии и психиатрии. И возможностей для этого было предостаточно. Каждый, у кого глаза и уши не были «залеплены» в силу каких-либо причин, видел и слышал то же самое, что и я. И это можно проверить, пока память о произошедших событиях достаточно свежа. По поводу второго вопроса-возражения, могу сказать, что я убежден, что это не так. И если человек не видит того, что происходит в окружающем мире чуть дальше собственного носа и не заботится о среде, в которой живет, вряд ли это можно считать признаком очень хорошей адаптации. Каждый человек, даже если он этого не хочет, оказывает воздействие на общество в целом. Другое дело, что результаты наших сознательных усилий, к сожалению, далеко не всегда соответствуют нашим ожиданиям и проявляются не в то время, когда мы этого хотим. Думаю, что в этом тезисе нет ничего нового для тех, кто хотя бы в общих чертах знаком с теорией систем.

Думаю, что выражу не только свое личное опасение о том, что тоталитаризм (как крайняя и наиболее опасная форма авторитаризма) вновь становится одной из главных угроз для современного человечества. На сегодняшний день авторитарные режимы установились на большей части территории постсоветского пространства. Из 11 стран СНГ в шести нет ограничений на количество сроков у власти для одного лица, а в трех с момента распада СССР не менялся правитель (Казахстан, Узбекистан, Белоруссия). Чумой 21 века стала террористическая деятельность экстремистских исламистских организаций и экспансия на Ближнем Востоке Исламского государства² (весьма примечательно, что в ряды этой террористической и тоталитарной по своему характеру организации вступают не только лица арабского происхождения, но и европейцы). Также весьма тревожными являются популярность Путина за пределами России, а также появление эксцентричных персонажей вроде Дональда Трампа на политической арене такого государства со старыми демократическими традициями как США. Хотя в 90-е годы у многих людей была иллюзия, что эпоха авторитаризма и тоталитаризма навсегда уходит в прошлое, история показывает, что, к сожалению, это далеко не так.

Чтобы противостоять этой угрозе, то, что сейчас может делать каждый мыслящий человек – это поддерживать остатки здравого критического мышления, которые еще сохранились в обществе. Хотя сейчас и не очень реалистично ожидать, что это принесет какой-

¹ Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – С. XII.

² Исламистская суннитская террористическая организация, действующая на территории Сирии и Ирака с 2013 года как непризнанное квазигосударство. «ИГИЛ» – террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации в соответствии с Решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 по делу N АКПИ14—1424С О признании международных организаций террористическими и запрете их деятельности на территории РФ.

то зримый и осязаемый результат в самой ближайшей перспективе, но это создает основу для того, чтобы общество, когда созреют все необходимые условия, быстрее вышло из фазы психологического и социального регресса, и если повезет, не проваливалось в него вновь. Поэтому это вполне реальное и сильное действие доступное для каждого. Хорошо известно, что хотя человек сам по себе слаб и немощен, идеи, проводником которых он является, не умирают.

Что касается содержания книги, то в части 1 мной представлена краткая характеристика политического режима существующего в современной России, а также динамика социально-психологической атмосферы от времен позднего СССР до последних лет.

В части 2 описаны психологические феномены, наблюдавшиеся в среде российского населения в 2014—2015 годах и представлен их анализ с точки зрения психиатрии и социальной психологии.

Часть 3 включает обзор концепций и психологических экспериментов, которые проливают свет на феномены подчиняемости и деструктивной агрессии, данные о влиянии тоталитарного опыта на психическое функционирование человека, а также размышления о специфике российского культурно-исторического пути и его влиянии на устойчивость авторитарных и тоталитарных тенденций.

В части 4 проанализированы технологии воздействия современных российских СМИ на сознание и последствия этого воздействия для морального и политического климата в обществе.

Часть 5 посвящена анализу психологических факторов, которые могли бы помочь России изжить тоталитарное наследие и начать двигаться в направлении демократии.

Для того чтобы материал книги легко воспринимался любым заинтересованным читателем, мной был выбран научно-публицистический стиль изложения. Но в то же время я постарался снабдить текст ссылками на источники, в которых заинтересованный читатель сможет найти дополнительную информацию. Все фотографии, использованные в книге в качестве иллюстраций, находятся в свободном доступе в Интернете.

Часть 1. Социально-исторический фон нашей нынешней ситуации

Политический режим в современной России

Время написания этой книги побуждает задумываться, по какому историческому пути пойдет Россия, ведь в 2011 году она оказалась в очередной точке бифуркации – выбором между тем будет ли ее политическое развитие происходить в направлении уважения личности, развития гражданских институтов и демократии или встанет на путь открытой автократической диктатуры.

Как известно, характер политического режима в России с начала 90-х гг. являлся предметом дискуссий среди политологов. До последнего президентского срока Путина его нередко определяли как гибридный (термин подразумевает смесь автократии и демократии), авторитарно-бюрократический, либо анократический (т.е. режим, при котором власть принадлежит не общественным институтам, а группам элит, конкурирующих друг с другом). Начиная с 2012 года политические обозреватели, социологи и политологи все чаще начинают упоминать слово тоталитаризм, хотя пока совершенно очевидно, что степень ограничения гражданских свобод в путинской России 2015—2016 годов, очень далека даже до уровня «застойного» брежневского СССР. Имеют ли под собой основания их опасения?

Если вспоминать про историю понятия «тоталитаризм», то в свое время сталинский Советский союз наряду с гитлеровской Германией и Италией времен Муссолини стал моделью для описания признаков этого явления. Исследуя их, К. Фридрих и З. Бжезинский³ выделили шесть признаков тоталитарных режимов, которые назвали «тоталитарным синдромом», относящимся как к правым, фашистским, так и к левым, коммунистическим тоталитарным диктатурам. Позже этот перечень был дополнен ими же, а также другими исследователями. Вот эти признаки:

1. Наличие одной всеобъемлющей идеологии, на которой построена политическая система общества.
2. Наличие единственной партии, как правило, руководимой диктатором, которая сливается с государственным аппаратом и тайной полицией.
3. Крайне высокая роль государственного аппарата, проникновение государства практически во все сферы жизни общества.
4. Отсутствие плюрализма в средствах массовой информации.
5. Жёсткая идеологическая цензура всех легальных каналов поступления информации, а также программ среднего и высшего образования. Уголовное наказание за распространение независимой информации.
6. Большая роль государственной пропаганды, манипуляция массовым сознанием населения.
7. Отрицание традиций, в том числе традиционной морали, и полное подчинение выбора средств поставленным целям (построить «новое общество»).
8. Массовые репрессии и террор со стороны силовых структур.
9. Уничтожение индивидуальных гражданских прав и свобод.
10. Централизованное планирование экономики.

³ Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия. – М.: «ИНИОН», 1993.

11. Почти всеобъемлющий контроль правящей партии над вооружёнными силами и распространением оружия среди населения.

12. Приверженность экспансионизму.

13. Административный контроль над отправление правосудия.

14. Стремление стереть все границы между государством, гражданским обществом и личностью.

Лоуренс Бритт⁴ также выделил 14 признаков, которые характеризуют протофашистские режимы (Нацистская Германия, Фашистская Италия, Испания при Франко, Португалия при Салазаре, Греция при Пападопулосе, Чили при Пиночете и Индонезия при Сухарто). С его точки зрения, для такого типа режимов свойственны следующие явления:

1. Сильные проявления национализма. Наличие флагов повсюду и прикрепление их на лацканы пиджаков в желании продемонстрировать патриотический национализм, как среди представителей власти, так и среди граждан.

2. Пренебрежительное отношение к правам человека. Сами режимы не считают права человека какой-либо ценностью и рассматривают их как помехи для достижения правящими элитами своих целей. Путём грамотной пропаганды, население заставляют принимать это пренебрежение правами человека, посредством представления тех, чьи права нарушались, маргиналами и врагами.

3. Назначение врагов или просто козлов отпущения причинами всех бед. Козлы отпущения используются для того, чтобы отвлечь внимание людей от других проблем, перенести вину за неудачи и направить гнев и недовольство в контролируемых направлениях.

4. Верховенство военных, скупой милитаризм. Правящие элиты, как правило, идентифицируют себя с военными и военной индустрией. На военные нужды выделяют непропорционально много национальных ресурсов, даже если в них есть большие внутренние потребности.

5. Ярый сексизм.

6. Контроль над СМИ. При некоторых режимах СМИ находятся под прямым контролем и никогда не отступают от линии партии. В других используются более скрытые способы контроля, включая контроль лицензирования и доступа к ресурсам, экономическое давление, апелляции к патриотизму, скрытые угрозы.

7. Одержимость национальной безопасностью. Аппарат национальной безопасности обязательно находится под прямым контролем правящих элит. Сомнения в их легитимности представляются «непатриотичными» или даже «предательскими».

8. Тесная связь правящих элит с религией. Большинство протофашистских режимов связывали себя с доминантной религией страны и представляли себя активными защитниками этой религии. Тот факт, что их действия напрямую противоречили основным положениям религии, оставался без внимания. Тщательно создавалось впечатление, что противостоять правящим элитам равносильно атаке на религию.

9. Защита власти корпораций. Хотя жизнь простых граждан была под строгим контролем, свобода корпораций затрагивалась редко.

10. Власть профсоюзов ограничивается или устраняется.

11. Презрение и подавление искусства и интеллигенции. Интеллектуальная свобода считается противоречащей идеям национальной безопасности и патриотизма.

12. Одержимость преступлениями и наказаниями. Полиция превозносится и обладает почти неограниченной неконтролируемой властью, что приводит к постоянным злоупотреб-

⁴ Актуальные признаки фашизма от Лоуренс Бритт: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://so-l.ru/news/show/aktualnie_priznaki_fashizma_ot_louren_et

лениям. Обыкновенные и политические преступления часто объединяются в сфабрикованные дела и используются против политических оппонентов режима.

13. Вопиющее кумовство и коррупция.

14. Нечестные выборы. Выборы и прочие народные волеизъявления, как правило, подложные. Когда же проводятся непосредственно выборы с различными кандидатами, результат их подменяется на нужный политическим элитам.

Митинг патриотического движения «Суть времени»

Патриотический символ путинской России георгиевские ленты на депутатах Госдумы РФ и на рядовых гражданах

Д. Медведев, В. Путин и патриарх Кирилл

Парад Победы, 2015 г.

Вполне очевидно, что многие из этих признаков мы могли наблюдать в России 2014-го года.

На протяжении 20 века тоталитарные режимы претерпели существенную трансформацию. Так в своем классическом виде тоталитарный режим продолжает существовать в Северной Корее, а в граничащей с ней КНР он подвергся значительной либерализации. Также значительную либерализацию в свое время, начиная со времен хрущевской «оттепели» претерпел режим бывшего Советского союза.

Близким, но не тождественным политическим устройством общества является авторитарный режим. В отличие от тоталитаризма, он не контролирует все стороны экономической, общественной и личной жизни граждан. Однако граница, переходя которую авторитарный режим становится тоталитарным, является достаточно зыбкой, и авторитаризм имеет шанс перерасти в тоталитаризм. Г. Маркузе также была описана модель нетеррористического либерального тоталитаризма, который незаметно формируется в рамках формально демократического режима.

На мой взгляд, весьма интересной является концепция неототалитаризма, предложенная югославским философом Зораном Видоевичем⁵. Видоевич обозначил формальные отличия новых режимов, которые возникли на территории постсоциалистических государств Восточной Европы и которые он называет неототалитарными, от ранее описанных классических тоталитарных диктатур. Он полагал, что постсоциалистический неототалитаризм будет избегать массового террора, но, тем не менее, будет стремиться к установлению полного контроля над массами. Хотя существуют признаки общие для всякого тоталитаризма, – власть, основанная на страхе, строго контролируемая сфера политики, идеологическая монополия, мистификация политической жизни, «клонирование» общественного сознания, – Видоевич выделил черты специфичные для постсоциалистического неототалитаризма:

– Прикрытие тоталитарного содержания псевдомемократической формой.

⁵ Калоева Е. Б. Рецензия на: Видоевич. Неототалитаризм при постсоциализме – возможен ли он? Vidojevicz. Tranzicija, restauracija i neototantizarizam. – Beograd, 1997. – 375 s. // Россия и современный мир. 1998. – №3. – С. 125—133.

- Политическая монополия одной партии при фиктивной многопартийности.
- Огромная и фактически неконтролируемая власть вождя, его несменяемость и безответность, новый культ личности.
- Монополия на основные средства массовой информации, скрытая цензура на информацию о реальном положении дел в государстве и обществе.
- Насильственная, тотальная и воровская приватизация, подчинение экономики мафиозной власти, принудительное сохранение государственной собственности, насильственное поддержание отдельных отраслей экономики в интересах господствующих слоев.
- Запугивание политических противников, устранение и политические убийства тех, кто представляет собой угрозу интересам власти и связанным с ней структурам.
- Правовая и экономическая незащищенность масс, дистанцированность от них первого лица в государстве.

Как и прежний социалистический тоталитаризм неототалитаризм не допускает демократического плюрализма – ни в политической, ни в идеологической сфере. Однако, по словам Видоевича, слабый и строго контролируемый идеологический и политический плюрализм необходим новому тоталитаризму для прикрытия своей сущности.

Также интересна мысль Видоевича о том, что авторитарный режим в постсоциалистических (т.е. по сути посттоталитарных) государствах является переходной формой, которая может развиваться как в сторону демократии, так и в сторону тоталитаризма.

На первый взгляд, удивительным кажется тот факт, что народ России лишь в начале 90-х гг. освободившийся от длившегося более 70 лет советского тоталитарного диктата, не приобрел иммунитет к этой форме правления. Тенденции по реставрации тоталитаризма советского типа в последние годы либо горячо приветствуются, либо не встречают никакого активного сопротивления со стороны подавляющего большинства населения. В частности, в этом отношении весьма показательно то, что по данным опроса Левада-центра проведенного в марте 2015 года 45% россиян оправдывали сталинские репрессии⁶.

С точки зрения Видоевича, неизживаемость автократических, диктаторских и тоталитарных систем объясняется не только социальными и историческими, но и психологическими причинами. По его точки зрения, одной из предпосылок постсоциалистического тоталитаризма является унаследованный менталитет послушного подданного, привыкшего к строгому порядку и иерархии. Он подчеркивает, что всякий тоталитаризм имеет опору в тоталитарном характере большей или значительной части конкретного общества.

Политический режим современной путинской России 2012—2015 годов, безусловно, не является тоталитарным в классическом смысле этого термина. Однако нарастающая интенсивность репрессий против оппозиции, стремление во все большей степени контролировать экономическую и духовную жизнь общества, говорит об определенных тенденциях к движению в сторону классического тоталитаризма.

Я помню, что еще в 2010—2011 годах многие мыслящие люди говорили, что автократическая диктатура в России невозможна. Но с 2012 года она стала реальностью в явном, а не закамуфлированном виде. Опасения либерально настроенной интеллигенции о том, что режим, сохранивший в 2012 году свою власть благодаря фальсификации выборов и подавлению протестов, прибегнет к массовым репрессиям пока не оправдались. Также в основном спала волна массовой эмоциональной мобилизации населения, связанная с украинскими событиями и противостоянием с Западом. Поэтому сейчас в 2016-м можно услышать мнение, что современный политический режим скорее является популистским и эксплуатирует

⁶ Все больше россиян положительно относятся к Сталину – «Левада-центр» // Ведомости №3801 от 31.03.2015: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>

чувство ressentiment и некритическую псевдоностальгию о якобы безоблачном советском времени. Однако, на мой взгляд, это все-таки не исключает его поворота при определенных обстоятельствах к открыто тоталитарным методам правления. Собственно на сегодняшний день мы наблюдаем постепенное, незаметное для взглядов большинства населения, поступательное сужение гражданских свобод⁷. Отсюда возникает предсказуемый вопрос: что же может стать следующим этапом?

⁷ Например, сейчас, когда пишутся эти строки, в мае 2016 года, правительство одобрило законопроект, предлагающий ограничить выезд за границу в досудебном порядке.

Из СССР в современную Россию: попытка психоисторической реконструкции

Далее я попробую коротко обрисовать, что происходило на пути перехода от Советского союза 70-х—80-х годов к современной социально-политической и социально-психологической ситуации, воспользовавшись методом психоистории. Как говорил один из основоположников этого направления Ллойд Демоз, оно сочетает в себе психотерапевтическое погружение с исследовательской методологией социальных наук, его цель – понять эмоциональную природу социального и политического поведения народов, в прошлом, настоящем и ожидаемом будущем⁸. Для этого я предлагаю читателю погрузиться в пока еще не очень отдаленное прошлое.

В 2015 году стало принято говорить, что страна переживает экономический кризис. Но, на мой взгляд, в еще большей степени, это явилось кризисом психологическим и нравственным. Если бы не было второго, то, безусловно, не случилось бы первого. И в этом смысле они находятся причинно-следственном отношении.

Чтобы понять, почему произошло то, что произошло в 2014 году, – аннексия Крыма, внезапный подъем шовинистических настроений и «квасного» патриотизма, – необходимо учитывать исторический фон, на котором протекало существование российского общества. Для начала я рассмотрю его в краткосрочной ретроспективе, а в дальнейшем расширю исторический контекст. В качестве системы координат пока возьмем три обозримых временных периода: период позднего Советского союза, «Совка», – время, в которое выросло старшее поколение людей современной России, – период «дикого» капитализма 90-х («лихие 90-е») и период путинской стабильности 2000-х. С 2014 года Россия входит в новую фазу своей жизни (хотя, по привычке, хочется употребить слово «развитие», но оно здесь едва ли уместно). Нейтрально-научные названия ей, скорее всего, будут даны в уже в обозримом будущем. А на сегодняшний день некоторые публицисты иронично называют время 2014—2015 годов «вставанием с колен», а другие употребляют более драматичное слово «агония». На стыке этих периодов сознание бывших советских, а ныне российских людей переживало серьезную, для некоторых, возможно, даже критическую ломку. Кратко рассмотрим, что происходило в повседневном мире людей и в их мироощущении.

Сначала обратимся ко времени застойного Советского союза, о котором сейчас ностальгирует большое количество российских граждан, и как ни странно, в том числе и молодых.

Жизнь среднего советского человека в то время была в целом сыта. Хотя гурманство и деликатесные излишества были доступны лишь партийным функционерам и людям, имеющим «блат» в торговой сети, простые продукты, такие как хлеб, молоко, картошка, вареная колбаса (до тех пор, пока она не стала отпускаться по карточкам в 80-е), соленые зеленые помидоры, хек, минтай и чай невысокого качества, мог приобрести любой советский трудящийся в универсаме. Очень многие продукты столь привычные и доступные сейчас находились просто за границей воображения советского человека. Либо читая книжки, он мог лишь мечтательно фантазировать, как выглядит ананас, манго, омары или анчоусы или какими могут быть на вкус виски или мартини.

С модной одеждой было намного сложнее, чем с продуктами. Советские люди были готовы выстаивать многочасовые очереди, чтобы приобрести вещи, произведенные в Польше, Чехословакии и ГДР. Модники покупали одежду на барахолке по весьма прилич-

⁸ Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – С. 6—13.

ным для того времени ценам (например, стоимость фирменных американских джинсов равнялась месячной зарплате молодого инженера), рискуя, что им вместо настоящей фирменной вещи подсунут низкокачественную подделку.

Повседневные будни советских граждан

Дефицит в СССР касался не только одежды, но и продуктов питания. В конце 80-х он распространился не только на так называемые деликатесы, но и на продукты и товары первой необходимости (мясные продукты, сахар, крупы, моющие средства и др.), которые стали отпускаться по талонам.

Прилавки магазинов и талоны в СССР

В то же время, жизнь того времени была спокойна, в большинстве ситуаций защищена от чрезмерных стрессов, кроме, разве что, скуки, и абсолютно предсказуема. Молодой человек в Советском союзе знал, что государство обязательно обеспечит его работой (даже в том случае, если он сам этого не хочет), знал какую зарплату будет получать, и примерно через сколько лет получит квартиру. В то же время он знал, что потолок его заработка четко ограничен, а границы перемещения строго ограничены границами СССР. Государство давало ему однозначные ответы на все мировоззренческие вопросы – от политики до этики и эстетики. И хотя он не мог свободно поехать за границу, свободно выражать свое мнение, свободно заниматься творчеством, не был свободен интеллектуально, испытывал многочисленные мелкие бытовые неудобства, связанные со спецификой советского планового хозяйства и отсутствием сервиса, тем не менее, он мог быть уверен, что ни при каких обстоятельствах не умрет с голода, не останется без крыши над головой и не окажется без медицинской помощи в случае болезни.

Пожалуй, в эмоциональном плане главной характеристикой этих лет была именно скука, ведь все было распланировано, почти не изменяемо и заранее предсказуемо. Культурная жизнь была чрезвычайно однообразна и бедна событиями, а на двух-трех каналах телевидения большую часть времени транслировались новости, съезды партии или выступления Генерального секретаря и фильмы на производственную тематику. Поэтому название этих времен «эпоха застоя» является вполне подходящим. Состояние перманентной скуки, думаю, во многом объясняет, почему в застойном советском обществе был довольно высокий уровень пьянства и немотивированной агрессии. Поскольку я вырос в промышленном районе, то хорошо помню, как после окончания дневной заводской смены в пятницу, улицы и общественный транспорт заполняли толпы сильно выпивших людей. Агрессия проявлялась в драках, хулиганских действиях, в ставшем столь привычным хамстве в магази-

нах, поликлиниках, больницах, учреждениях общепита самого разного уровня, от столовой до ресторана.

Для многих людей в СССР пьянство было частью повседневной жизни

В 80-е годы смутная неудовлетворенность советского человека начинает нарастать. С одной стороны, это было связано со стагнацией советской экономики, которая привела к дефициту даже обычных продуктов питания в магазинах, которые стали отпускаться по карточкам. Но скорее всего дело было не только в этом, хотя первая причина для большинства и была наиболее весомой. В стерильной культурной атмосфере Совка жить было душно, и просачивающиеся через железный занавес образы жизни на капиталистическом Западе напоминали об этом. Можно вспомнить слова песни группы «Алиса» «Воздух» с альбома 1987 года:

*«Я так хочу быть тут,
Но не могу быть здесь...
Воздух...
Мне нужен воздух...»*

Думаю, эта песня достаточно точно выражала эмоциональное состояние молодого поколения СССР 80-х.

Не буду здесь вдаваться в подробности цепочки исторических событий, но падение советской системы было одобрительно воспринято большей частью населения. И именно спонтанное движение масс воспрепятствовало попытке ГКЧП реставрировать ее в 1992 году. Другое дело, что, к сожалению, когда люди своими действиями проголосовали против СССР, то большинство из них, в реальности, были не за свободу человека, а за свободу покупать колбасу.

А в 90-е годы бывший советский человек неожиданно попал вовсе не в то общество изобилия, которое рисовалось в воображении, а, скорее, в общество, которое показывают в гангстерских фильмах про Америку времен великой депрессии. Дефицита с колбасой не стало. Но, к несчастью, не у всех хватало денег, чтобы ее покупать, хотя колбасы самых разных видов свободно лежали на прилавках. А еще обиднее было видеть, что твой сосед, еще вчера получавший такую же зарплату и имевший такой же достаток, как и ты и, вроде бы, ничем особо не отличающийся по уму и способностям может себе ее позволить, а, возможно, и еще многое-многое другое.

Невостребованными оказались прежние профессиональные навыки, полученное образование и почетные регалии. Для зарабатывания денег мало толку было от дипломов и квалификационных категорий. Профессорам и врачам приходилось подрабатывать частным

извозом, заниматься взяточничеством, писать курсовые за студентов, чтобы обеспечить себя и свою семью, либо полностью менять стезю своей деятельности. На первый план в это время вышли личная предприимчивость, мобильность, способность к риску и готовность начинать новое дело с нуля, использовать те навыки и способности, которые могли быть востребованы именно при этой текущей сложившейся конъюнктуре.

Прежнее относительно гомогенное, уравнилельное общество расслоилось буквально в считанные месяцы. Один из давно знавших друг друга коллег или давно друживших приятелей мог стать миллионером, а другой оказаться на дне бедности, безнадежно ожидая, когда на предприятии, на котором он работает, прекратятся задержки зарплаты. На самом верху новой социальной пирамиды обычно оказывались бывшие хозяйственные руководители и партийные работники, быстро приватизировавшие прежнюю государственную собственность. В то же время, многие сделали бизнес с нуля, но не секрет, что нередко для этого им приходилось использовать не только невостребованную в советское время предприимчивость и деловую хватку, но и нарушать все мыслимые нормы общечеловеческой морали. Общество погрузилось в состояние аномии.

Надо отдать должное Советскому союзу, что, несмотря на всю его куцую однообразность, угловатость и житейские перегибы, в нем существовало давление устоявшихся социальных правил поведения, которое побуждало людей придерживаться моральных норм, и не только норм пресловутой социалистической нравственности. С его падением все барьеры рухнули. Оказалось, что ради обогащения многие люди были готовы на все. Обычным явлением стало «кидалово» своих друзей и знакомых на деньги, и «заказ» киллерам бизнес партнеров, которые нередко совсем недавно были лучшими друзьями. На поверхность всплыли и вольготно себя почувствовали социальные элементы, которые несколько лет назад считались маргинальными и находились в андеграунде социума, а также проявились маргинальные и антисоциальные наклонности людей, которые они до того скрывали и, возможно, даже сами не подозревали о них. И самыми дезадаптированными, или говоря языком 90-х, «лохами» в новой жизни оказались те, кто этих старых норм продолжал придерживаться. Неудивительно, что у многих бывших советских людей все эти обстоятельства вызвали разочарование в «демократии» и щемящие воспоминания о безоблачном всё гарантировавшем прошлом, в котором не о чем было слишком сильно беспокоиться, и некому сильно завидовать.

Но в то же время стоит отметить, что 90-е стали для неизбалованного советского человека временем внезапного и немыслимого доселе изобилия и небывалой свободы. На прилавки хлынули невиданные ранее импортные продукты. По очень недорогим ценам можно было покупать импортный алкоголь, наименования которого советский человек ранее узнавал только из детективных романов. И все это было доступно 24 часа в сутки в многочисленных круглосуточных коммерческих киосках и магазинах. Преобразился внешний облик людей – после вынужденной серости Совка люди стали одеваться броско и ярко, благо, что благодаря «челнокам» и китайским производителям дефицит одежды тоже исчез. Что было, наверное, еще более невероятным, так это то, что открылась полная свобода передвижения. Отношение к далеким заокеанским путешествиям человека 80-х выражали слова из песни «Наутилуса Помпилиуса»: *«Гудбай, Америка, где я не буду никогда»*. Теперь у бывшего советского человека появилась возможность при желании путешествовать туда, а также обратно, и для этого ему не нужно было становиться сотрудником дипмиссии или предателем Родины.

90-е стали и эпохой невиданной интеллектуальной свободы. Стали доступны любые фильмы, книги, музыка. Поскольку в России тогда не действовали законы об авторском праве, у россиянина в этом отношении было больше возможностей, чем у жителей прокли-

наемой ныне Америки и других западных стран. Появилась ничем не ограниченная свобода творчества, высказывания, самовыражения, хотя конечно не для всех это было важно.

В то же время в начале 90-х у некоторых людей, досыта наевшихся жизнью в СССР, даже после поражения ГКЧП еще сохранялся страх, что все может вернуться назад. Помню, как с тревогой об этом говорил пожилой профессор в преподавательской одного из ВУЗов. Но самое примечательное это то, в чем заключался его главный страх: «Главное, что б книжки читать не запретили!»

Конечно самым страшным в 90-е, – кроме того, что оказались невостребованными старая квалификация и навыки людей и многие испытывали экономические трудности, – был разгул бандитизма. Но, с другой стороны, если сравнивать это с советским периодом, то хотя бандитский беспредел страшен, беспредел государства намного страшнее. В случае «наезда» бандитов у человека был шанс сбежать, обратиться за помощью к другой группировке, иногда помогала даже милиция. В случае произвола государства, как это было в СССР, от государственной машины спрятаться было некуда и не у кого было искать помощи.

Выражая свою субъективную точку зрения, и не отбрасывая из поля зрения все изъяны того времени, хочу согласиться с Аркадием Бабченко, что в 90-е «было ощущение того, что что-то главное уже сделано, что-то главное уже произошло, и теперь осталось только доделать, довести до ума, докрутить, еще немного дотерпеть – и все будет нормально»⁹. Была надежда на то, что это переходный период, что люди утратили нравственные ориентиры, потому что испытывают материальные трудности и растеряны, но пройдет время и постепенно разум, нравственность, культура восторжествуют над хамством, примитивизмом и беспределом.

90-е сменились временем путинской «стабильности». В 00-е все менее и менее становятся заметны уличные рынки, «челноки» и рэкетеры в спортивных костюмах. Удачливые бандиты одели костюмы депутатов или стали уважаемыми бизнесменами. Выросли цены на нефть. Повсеместно распространились интернет и мобильная связь. Снова стали востребованы инженеры и рабочие. Выстроилась вертикаль власти. Общество стабильно дифференцировалось на крупных собственников и наемных работников. Последние могли претендовать на то, чтобы устроиться на достаточно стабильную работу в офисе, получать стабильную зарплату, брать ипотеку, ездить на кредитных машинах, ходить в спа-салоны и ночные клубы, покупать элитный алкоголь, целыми сутками общаться в социальных сетях, переписываться и постить забавные картинки, котиков и сэлфи, в отпуске отдыхать в Тайланде, в Арабских Эмиратах или путешествовать по другим странам. Надо сказать, что такая жизнь обычному советскому служащему не приснилась бы даже в самом дерзком сне. Кажется бы, российское общество стало обычным обществом потребления с обычными для него потребительскими ценностями и образцами успеха. И пусть жизнь такого общества достаточно одномерная, но в то же время сытая и некропролитная.

И здесь хочется задать риторический вопрос: Чего же не хватало этому сытому офисному работнику эпохи путинской стабильности? Неужели ему не давала покоя глубоко спрятанная тоска по военным походам и воинской доблести? Или героическим трудовым подвигам во имя славы Отечества? Наверное, и вправду не хлебом единым жив человек, даже в эпоху потребления?

⁹ Бабченко А. Десяностые: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://starshinazapasa.livejournal.com/873678.html>

Метаморфозы личностной идентичности на пути из советской в постсоветскую эпоху

Далее постараюсь набросать обобщённый портрет среднего россиянина 90-х и 2000-х годов, хотя конечно отдаю себе отчет в том, что любой усредненный портрет грешит многими неточностями и искажениями. Я согласен с тем, что попытка составить портрет среднестатистического гражданина – это примерно то же самое, что попытка измерить среднюю температуру по больнице. И все же, несмотря на все разнообразие индивидуальных типов людей, можно выделить и преобладающее общее в ценностях, мышлении и поведении, характерное для определенного временного периода. Таким образом, этот обобщенный портрет не статичен. Если говорить о рассматриваемой мною здесь перспективе, то мог очень сильно измениться облик даже одного и того же человека. Например, комсомольский работник 80-х, призывающий людей беззаветно служить идеалам коммунизма и следовать принципам коллективизма и коммунистической морали, в 90-е мог явить себя как бизнесмен, использующий криминальные методы ведения бизнеса, а в 2000-е как уважаемый владделец крупной компании. Талантливый спортсмен в 90-е мог стать бандитом, а в 2000-е вновь начать вести законопослушный образ жизни. Были и еще более драматичные метаморфозы. Можно вспомнить пример Салмана Радиева, который в 80-е гг. был членом КПСС и инструктором в республиканском комитете ВЛКСМ, участвовавшем в организации работы стройотрядов и сопровождавшим комсомольцев на стройки в различные места СССР, а в 90-е гг. стал одним из руководителей чеченских террористов.

Думаю, что казалось бы неожиданные черты в поведении возникали вовсе не из ниоткуда, они присутствовали в личности в скрытом, замаскированном виде и историческая ситуация просто способствовала их проявлению. Эти черты представляли собой одну из теневых идентичностей человека. И в этом отношении пример некоторых бывших комсомольских и партийных работников особенно показателен. Как сказала Светлана Алексиевич: «Главные, кто ограбил народ, – это комсомольская и партийная верхушка. Не открытые бандиты, <...>, а именно вот эти – они оказались психологически готовы»¹⁰.

Если говорить о 90-х, то карикатурным олицетворением успешного человека, занимающего ведущие позиции в новом социуме стал образ «нового русского», т.е. образ человека крайне ограниченного и недалекого, ориентированного на чувственные удовольствия и «понты», но напористого и сверхпрагматичного в меркантильном плане, – это такое воплощение невежды и хама, который благодаря игре судьбы вдруг стал королем жизни. Но, условно, это был только один из типов людей.

¹⁰ «Мы перепутали добро со злом»: интервью со Светланой Алексиевич: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vozduh.afisha.ru/books/my-pereputali-dobro-so-zlom-intervyu-so-svetlanoy-aleksievich/>

Типичный стиль одежды «нового русского»

В эпоху 90-х человек жил в состоянии неопределенности и поэтому ничего не планировал на длительную перспективу. Все ранее скрепляющие его мировоззрение советские идеологемы рухнули, что не удивительно в период чрезвычайной экономической нестабильности, и главными ценностями стали ценности материального благосостояния. Также ушли в прошлое нормы коллективизма.

В целом, для россиянина 90-х были характерны отсутствие длительной перспективы в планировании, ориентация на быструю выгоду, крайний индивидуализм («каждый сам за себя»), примат материальных ценностей в сознании, недоверие к государству, скрытность во всем, что касается бизнеса и финансовых вопросов (т.к. окружающие представляли потенциальную угрозу), связанная с этим повышенная агрессивность, ослабление, если не исчезновение, моральных регуляторов или замещение их на нормы поведения одобряемые в криминальном мире. Во внешнем поведении «крутизна» ассоциировалась с наглостью и нахрапистостью. Из положительных характеристик можно отметить, что человек 90-х — это человек инициативный, человек-предприниматель и человек, который перестал бояться выражать себя, говорить то, что думает (если это не касалось деталей его бизнеса).

Человек второй половины 00-х в некотором смысле противоположность человеку 90-х, он представляет из себя по большей части спокойного гедониста, прагматика, стремящегося к всевозможным удовольствиям, планирующего стабильную карьеру. Круг его интересов сосредоточен на личной жизни, семье, если она есть, потреблении и стабильном положении в обществе, которое реализуется через карьеру в крупной компании. В общем, и для россиянина 90-х и для россиянина 2000-х материальное благосостояние являлось ведущей ценностью, но представления о способах его достижения изменились: для первого — это

независимое индивидуальное предпринимательство, собственный или семейный бизнес, для второго – принадлежность к крупной корпорации. Человек 00-х аполитичен, социально ленив и пассивен, как и подобает обычному обывателю, но в то же время прагматичен и достаточно миролюбив.

В 2011—12 гг. промелькнул образ человека, который стремился к честным отношениям с властью, соблюдению своих прав, но вскоре он ушел на задний план общественной сцены, быстро растворяясь в анонимной массе.

С весны-лета 2014 года на публичной авансцене мы наблюдаем уже другого человека – человека одержимого нелепыми сверхценными идеями, эмоционально возбудимого и агрессивного. Если кратко описать последовательность этих метаморфоз, то человека 90-х я бы назвал «антисоциальным», человека 00-х гедонистическим, а человека 14—15-го годов «психотическим» (конечно не в строгом клиническом значении этого слова). Возникает вопрос как в целом разумный и миролюбивый человек в одночасье мог превратиться в злобного параноика? Далее в книге я попытаюсь проанализировать причины и условия, которые привели к этой метаморфозе.

Часть 2 Страх и ненависть в России 2014—2015 годов

Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой.

Г. Лебон «Психология народов и масс»

Все пришло к кризису, которого нельзя постигнуть из единого основания и поправить дела, но можно постигнуть, перенести и преодолеть, как нашу судьбу.

К. Ясперс «Духовная ситуация эпохи»

Социальные процессы и психиатрия

Периоды интенсивного воодушевления и единения на основе каких-либо религиозных или политических идей в больших социальных группах, нередко приводящие к вспышкам чудовищного насилия и другим деструктивным последствиям, неоднократно случались в истории. Русский психиатр В. Х. Кандинский еще в 19 веке назвал их «массовыми психическими эпидемиями». Кандинский писал: *«Болезни, поражающие сразу множество людей называются повальными или эпидемическими болезнями <...> Не одни только телесные болезни способны к эпидемическому распространению; болезни души, психические расстройства также нередко принимают эпидемический характер. История человечества, история обществ представляет нам ряд длинный, можно сказать, непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея, сама по себе, может быть высокою или нелепою, чувство и стремление могут не выходить из границ физиологических, но могут быть также необычайными и аномальными, совершенно изменяющими прежний, нравственный и умственный характер людей. К таким примерам морального и интеллектуального движения масс, порою принимающего форму резкого душевного расстройства, мы совершенно вправе приложить название «душевные эпидемии». Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная. Подобно контагию оспы или сыпного тифа, душевная зараза от одного человека передается к другому, к третьему, воспроизводится здесь и из этих вторичных фокусов заражения распространяется с новой силой далее, захватывая все большую и большую массу людей, до тех пор, пока будет находить благоприятную для себя почву. Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысяч жертв и опустошали целые страны. Душевные эпидемии не менее губительны. Проходит время невольного душевного расстройства, время коллективного увлечения и страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обычно не могут понять своих прошлых ошибок...»¹¹*. С точки зрения Кандинского, одним из признаков массовой психической эпидемии является захвачен-

¹¹ Кандинский В. Х. Нервно—психический контагий и душевные эпидемии / «Общепонятные психологические этюды», 1881 г Сборник трудов Виктора Хрисанфовича Кандинского Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В. Х. Кандинский. – СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. – С. 95.

ность состоянием, идеей, действием, которая неподконтрольна волевой регуляции и доходит до одержимости, до фанатизма.

О психических эпидемиях писал и В. М. Бехтерев¹², рассматривавший их как результат внушения. В частности, к психическим эпидемиям В. Х. Кандинский и В. М. Бехтерев относили и войны, вспыхивавшие из-за, казалось бы, незначительного повода и уносившие жизни тысяч людей.

Позже для наименования такого рода состояний стал использоваться термин «групповые психоконтагиозные вспышки». На сегодняшний день психиатры подразделяют психические эпидемии на социальные реакции, в том числе психозы, вызванные военными действиями и нередко неадекватными поводами при революционных событиях, парарелигиозные, этнические и связанные с техническим прогрессом¹³. В истории человечества массовых эпидемий было много. В качестве примера психической эпидемии, спровоцированной социально-политическими событиями, можно вспомнить о «великом страхе» 1789 года во Франции – феномене, который имел место в начальный момент Великой французской революции. В обстановке слухов об «аристократическом заговоре» и о том, что в страну вторглись полчища иностранных захватчиков и повсюду орудуют разбойничьи шайки, стали вспыхивать вооруженные бунты и восстания. Происходили нападения на дворцы, уничтожались феодальные документы.

В отличие от психических расстройств, которые возникают у отдельных индивидов, для массовых психических эпидемий, или групповых психоконтагиозных вспышек, пока не разработано четких диагностических критериев. Неопределенным остается вопрос, когда какое-либо массовидное явление стоит рассматривать как «расстройство». Думаю, главным критерием здесь должно быть соответствие либо несоответствие эмоционального состояния людей и их поведенческих реакций реальной ситуации. В этом отношении, например, едва ли можно поставить на одну доску «великий страх» 1789 года и «Марш республики» в Париже 11 января 2015 года, ставший реакцией на расстрел в редакции Charlie Hebdo и собравший 2 млн. человек, хотя и в том и в другом случае имела место захваченность большого количества людей общим эмоциональным состоянием и сходными идеями. С другой стороны, я полагаю, что то, что произошло с большинством россиян в 2014—2015 годах, а также то, что происходило на Донбассе весной 2014 года, напротив, вполне соответствует понятию психоконтагиозной вспышки в смысле психического расстройства, поскольку эмоциональное состояние людей возникло на основе ложной либо искаженной интерпретации событий, и зачастую их реакции в сложившейся ситуации были явно неадекватными. Ниже я постараюсь обосновать свою точку зрения.

Далее представлю общую картину того, что происходило с мышлением и эмоциями людей в этот период.

¹² Бехтерев В. Внушение и его роль в общественной жизни. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 438 с.

¹³ Щиголов И. И. Ретроспектива психических заболеваний в России // Московский психологический журнал. – 1995. – №4.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazine.mospsy.ru/nomer4/shig01.shtml>

Эпидемия «восставших с колен»: хроники безумия

Ментальное состояние, о котором пойдет речь, охватило огромное количество людей, и оно было не статичным, а плавно перетекало в отличающиеся друг от друга формы. Можно выделить несколько стадий в его развитии, связанных с определенной трансформацией «клинической» картины.

Хотя в нашем случае было затруднено применение стандартизированных процедур исследования, но были доступны наблюдение (которое является одним из основных методов не только в психиатрии, но и в этнопсихологии), методы беседы¹⁴, изучения творчества индивидов (письменных текстов, рисунков). Едва ли кто-то будет спорить, что в сегодняшнее время широкие возможности для изучения вербальных высказываний и поведения дает Интернет. В этом описании я опираюсь как на личные наблюдения, так и на наблюдения других людей, полученные мной на основании интервью^{15, 16}.

В динамике описываемого процесса я выделил несколько этапов, которые наслаивались друг на друга. Первый я бы условно назвал «заинтересованным наблюдением». Он длился с осени 2013 года по март 2014-го. Второй – «крымской эйфорией», которая началась в марте 2014-го, сразу после аннексии Крыма. Следы ее тянулись достаточно долго, но в наиболее выраженной форме они были заметны до осени 2014 года. В мае—июне появляется качественно новая гамма чувств, и этот период я бы назвал периодом «праведного гнева и ощущением всемогущества», который постепенно угас к осени 14-го года. В связи с ростом курса валют в октябре-ноябре 2014-го он трансформировался в состояние, которое я бы назвал «озабоченностью и жаждой возмездия». К осени 2015 года оно постепенно сменяется практически полным безразличием и апатией к политической и общественной жизни. Причем в динамике этих фаз последовательно менялись объекты агрессии. Первоначально с весны 2014 года объектом агрессии для обывателя была, прежде всего, Украина, но постепенно летом—осенью этого же года она смещается на США и весь Западный мир. Затем, в конце 2015 года, едва ли не главным объектом народного гнева становится Турция. В начале 2016-го прежние экстремально сильные эмоции сменяются по преимуществу безразличием. Очень мало кто еще вспоминает Украину и Донбасс. И даже военные действия в Сирии и конфликт с Турцией мало у кого вызывают особый интерес. Основной заботой обычного обывателя становится вопрос, как решить свои финансовые проблемы и пережить кризис. Рассмотрим эти фазы подробнее.

¹⁴ В частности, методом изучения членов религиозных тоталитарных сект (т.к. провести формальное обследование зачастую невозможно) является метод латентного интервью.

¹⁵ См. приложение в конце книги

¹⁶ Гронский А. Опыт «идейной маргинальности»: от социальной ангажированности к отчуждению и враждебности (феноменологическое исследование) // Теория и практика психотерапии. – 2015, №1. – С. 89—96.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psychotherapy.ruspsy.net/article.php?post=436>

Надпись на стене дома

«Заинтересованное наблюдение»

Ярким процессам, проявившимся весной 2014 года, предшествовало несколько месяцев с осени 2013-го по март 2014-го связанных с киевским Майданом. Взгляды россиян были прикованы к разворачивающимся там событиям. Наверное, очень многих из тех, кто наблюдал за ними, переполнял интерес и внутреннее волнение. Далеко не у всех определились симпатии и антипатии к действующим лицам, хотя преобладающее настроение, пожалуй, было настороженно-сдержанным. Тем не менее, до психологического раскола в самом российском обществе, основанном на отношении к Майдану и Украине, было еще далеко. Россияне заинтриговано ждали развязки. Тогда они и не подозревали, что развязка приведет к конфликтам в их семьях и разрыву отношений с давними друзьями.

Чтобы проиллюстрировать настроения в обществе приведу цитаты из взятых мною интервью: «*Киевский Майдан снова дал импульс гражданским настроениям. Но опять же это было слишком ненадолго... Весной 2014 года этот импульс превратился в свою противоположность. Конец февраля 2014-го – расстрел людей на Майдане. Общество однозначно поделилось на сочувствующих радикальным преобразованиям власти и сторонников консервации существующего положения дел, каким бы оно ни было („Если не Путин, то кто?“, „Видите, что творится на Украине? Вы этого хотите?“)».*

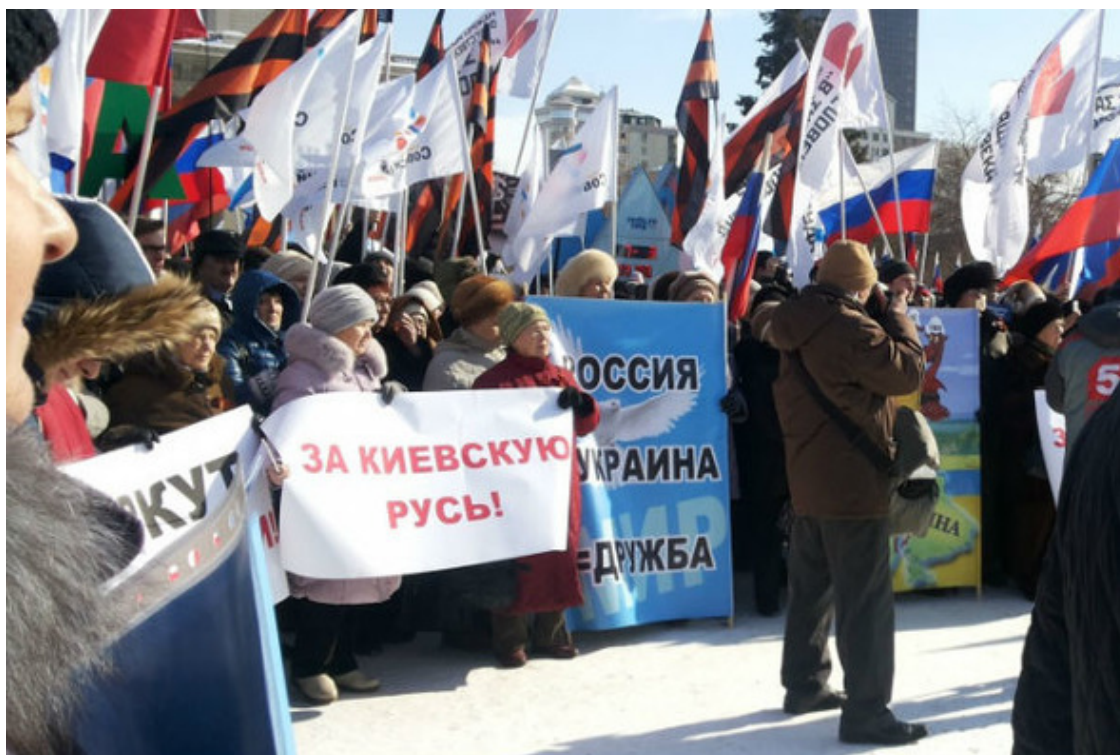
«Мне кажется, вначале не было однозначной реакции. Она была двойственной. Т.е., с одной стороны, вроде бы на Майдане это те, кто борется за свои права, за справедливость. Потому что восприятие Януковича положительным не было никогда. Его никто не воспринимал как друга России, особенно с учетом его метаний в сторону Евросоюза. Но с другой стороны, когда некоторые предвзятые «аналитики» в кавычках стали объяснять народу, что на Майдане стоят бандеровцы, отношение к Майдану стало становиться негативным.

На мой взгляд, до событий связанных с Крымом в последние числа февраля, это воспринималось как что-то не касающееся своей жизни, как картинка по телевизору, интересная история...»

«Я думаю, Майдан еще не был таким переломным моментом. Во время Майдана большинству людей было достаточно безразлично, что там происходит на Украине. А когда в эту тему включилась Россия с присоединением Крыма, вот тут стало всем очень даже не все равно. Люди почувствовали, что их гордость получила удовлетворение».

«Крымская эйфория»

Явный конфликт мировоззренческих позиций в российском обществе обозначился после аннексии Крыма в марте 2014 года и в последующем он только нарастал. Период марта —апреля, как я уже сказал, можно назвать «крымской эйфорией». Естественно она охватила не всех, были люди, которые чувствовали не эйфорию, а эмоциональный шок, возмущение и негодование. Но, тем не менее, неадекватное радостное настроение охватило очень многих, и следы его тянулись, пожалуй, до осени 2014-го.

Митинг в поддержку присоединения Крыма. Новосибирск, 7 марта 2014 г.

Можно вспомнить небывалый в обозримом прошлом общий эмоциональный подъем марта и апреля. Разговоры со знакомыми и в кулуарах на работе, так или иначе, затрагивали тему Крыма. Совершенно очевидно, что большинство людей в то время позитивно и с большой радостью относились к присоединению. Различия касались только объяснений харак-

тера происходящего. Одни настаивали на официальной телеверсии событий – «российских военных в Крыму нет», – другие же соглашались с неофициальной точкой зрения, что военные наверняка есть и это очень правильный ход, третьи говорили, что Путину надо действовать более решительно и «давно уже нужно было ввести войска». 11 апреля в России было днем всеобщего (точнее почти всеобщего) ликования. Люди, которые были до сего времени далеки от интереса к политике, размещали в социальных сетях поздравления по поводу «возвращения» Крыма. С этого же времени крайне распространенным аксессуаром, украшающим одежду и автомобили, становится георгиевская ленточка. Высказывания людей характеризовались радостью по поводу того, что у России появился стратегически важный плацдарм и того, как «гениально была проведена операция» лидером нации. С необычайным воодушевлением, не наблюдавшимся за очень многие годы, прошло празднование 9 мая. Отмечался невиданный бум на ношение «георгиевских ленточек»¹⁷ на лацканах одежды, дамских сумках, рюкзаках и прочих местах. Лейтмотивом такого настроения было «воссоединение с Крымом», который «всегда был нашим» и возрождение былой мощи России. Возникало ощущение, что огромные толпы людей охвачены агрессивной злой воинственной радостью. Не случайно в 2014-м в блогосфере появился неологизм «победобесие», отражающий атмосферу этого праздника.

Александр Сотник берет интервью у «патриотически» одетой женщины. Москва, 9 мая, 2014 г.

«Праведный гнев и ощущение всемогущества»

Состояние всеобщего эмоционального подъема продолжалось до печальных событий в Одессе 2 мая 2014 года. Взрыв ненависти, который произошел в сознании людей можно

¹⁷ Традиция возникла благодаря инициированной «РИА Новости» и РООСПМ «Студенческая община» в 2005 году акции «Георгиевская ленточка». По мнению критиков, использование в данной акции георгиевской ленты основано на подтасовке исторических фактов. Лента является символом ордена Святого Георгия – высшей воинской наградой Российской империи. Эта награда была запрещена в Советском союзе и, соответственно, не имеет никакого отношения к победе СССР в Великой отечественной войне. Кроме того, с точки зрения критиков, в связи с гибридной войной на Донбассе георгиевская ленточка стала символом пророссийского международного терроризма.

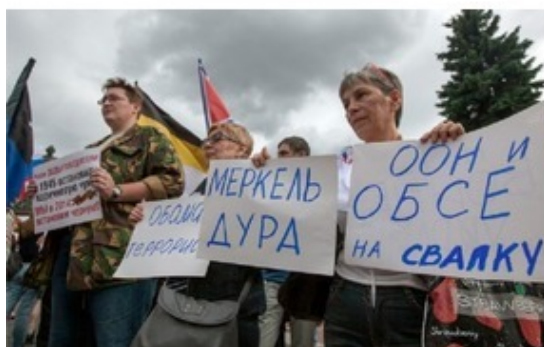
оценить, если заглянуть в комментарии в интернете в первые майские дни. Хотя сохранялся прежний эмоциональный всплеск, в высказываниях и настроении людей появляются проявления нового качества. Эмоции можно охарактеризовать как ярость, гнев и возмущение. Также у среднего обывателя, внимательно следящего за украинскими событиями с помощью телевизора, кристаллизуется образ врага – бандеровцы, «правосеки»¹⁸, «еврофашисты», а также либералы, которые позволили прийти им к власти. В СМИ начинает мелькать еще один неологизм – «либерал-фашизм». И за всеми этими персонажами для среднего российского обывателя стал отчетливо прорисовываться злобещий образ США. Если до этого киевский Майдан у большинства наших соотечественников вызывал скорее чувство презрительного снисхождения («делать им нечего, что с этого толку», «работать не хотят», «зачем зверинец в центре Киева устроили»), то в мае он начинает ассоциироваться с первопричиной проблем – народная смута, которая привела к власти фашистов. А также стал понятен тайный механизм этих событий – не зря же госсекретарь США Джон Керри посетил Майдан!

В июне и июле Украина остается одной из основных тем разговоров на работе, на улице, в общественном транспорте, при общении родителей в вестибюле школы, в кругу родственников. Причем в разговорах разные люди начинали демонстрировать уверенное, твердое понимание того, что происходит в этой территориально достаточно далекой от них стране. Что характерно, у разных людей оно являлось практически идентичным: «между западными и восточными украинцами всегда был конфликт», «американцам нужен сланцевый газ на Донбассе», «восточные украинцы воюют, потому что их притесняют и хотят уничтожить», «Киев проводит карательную операцию», «российских военных там нет (а если и есть, то это очень правильно)», «Украине с Россией будет лучше, без нее она пропадет», «да и вообще юридически граница между Украиной и Россией не установлена, Украина всегда была частью СССР».

¹⁸ «Правосек» – слэнговое название члена организации Правый сектор (укр. Правий сектор), политической партии, возникшей на основе объединения активистов ряда украинских националистических организаций. Организация признана экстремистской и запрещена в России.

Участники митинга в поддержку Новороссии на площади Суворова, Москва, 12 июня 2014г.

Участники митинга в поддержку Новороссии на площади Суворова, Москва, 12 июня 2014г.

На «Первом канале» говорят о ядерном потенциале РФ, а в программах транспортного телевидения в маршрутках появляются шутки о том, что Бельгия исчезает с карты Европы, потому что какой-то российский военнослужащий по ошибке нажал ядерную кнопку. На некоторых автомобилях кроме георгиевских ленточек появляются таблички с надписями «Дошли до Берлина, дойдем и до Киева». На улицах проходят патриотические митинги с красочными флагами, выступлением артистов и сбором средств для Новороссии. Начинается травля артистов, выступивших не в унисон со всеобщим всенародным духом. Фантастическим, небывалым никогда доселе образом взлетает рейтинг президента Путина. В разговорах лейтмотивом звучит бравада, что «санкции нам нипочем» и «наконец-то мы поднимем промышленность».

Баннер «Пятая колонна – чужие среди нас». Москва, апрель 2014 г.

«Озабоченность, тревога и жажда возмездия»

Эйфория спадает осенью, когда многие граждане начинают отчетливо чувствовать финансовые неудобства. Основной эмоциональный фон, начиная с этого времени, – смутная тревога и глухая, смешанная со злобой обида на происки коварного врага. Тема международ-

ных отношений все еще часто всплывает в повседневных разговорах, хотя более сдержанно («естественно, что Запад мешает двигаться России по ее историческому пути!», «Америка всегда была против России», «надо посочувствовать украинцам, им тяжело, и они не ведают что творят»). Интерес собственно к украинским событиям самим по себе существенно снижается, практически исчезает. Основной темой разговоров становятся прогнозы по поводу курса валют.

«Патриотические» надписи на автомобилях

Вот воспоминание одной из участниц интервью о том периоде: «Это было год назад, когда курс евро рос с необыкновенной скоростью. У нас в коллективе есть люди, которые обычно говорят: „Путин, спасите нацию!“, или „Если бы не Путин, то ничего бы не было“,

„Все будет хорошо“. Или есть менее радикальные, которые согласны с тем, что Путин, конечно, узурпировал власть, но стране это только на пользу. Вот в тот момент их не было слышно, а были разговоры: „Что происходит?“, „О чем они там себе думают!“ Все были на одной волне. На рост курса евро все отреагировали очень единодушно...»

Все же надо отметить, что, тем не менее, оставались и по-настоящему пламенные «патриоты», которые, как и раньше, говорили, что «все было сделано правильно», «это продуманный план» и ждали, что вот-вот Путин выпустит своих «черных лебедей» (выражение из статьи одного американского экономиста, означающее в ней, что Россия перестанет платить по кредитным обязательствам американским банкам) и, наконец, сокрушит экономику США. Некоторые обсуждали наиболее подходящее время для взятия Киева. В январе это же настроение сохранялось, но зрела решимость затянуть пояса потуже и перетерпеть санкции, ведь Путин обещал, что все будет хорошо!

В эти периоды весьма симптоматичными являются высказывания и действия многих публичных персон. Так 16 марта 2014 года Дмитрий Киселёв в эфире своей программы произнес производящую фурор фразу: «Россия – единственная страна в мире, способная превратить Штаты в радиоактивный пепел». В своих последующих передачах Киселев акцентировал внимание на том, что Россия не брала на себя обязательство не наносить ядерный удар первой. В мае 2014 года известный профессор МГУ А. Дугин в интервью агентству Anna-News заявил, что должно быть меньше разговоров, а украинцев необходимо продолжать убивать, и это его позиция как профессора¹⁹. Такие же призывы он делал на своих лекциях в университете, чем вызвал негодование студентов. В мае того же года актер И. Охлобыстин написал в своем твиттере, что мечтает проснуться и узнать, что российские военные силы стоят у порога Одессы. В августе, находясь на гастролях в Крыму, актер А. Панин публично высказался о том, что Сталин поступал правильно, проводя депортацию крымских татар, а каждому нынешнему татарину нужно выделить по дереву вдоль дороги²⁰. В сентябре 2014 года в связи с западными экономическими санкциями в Москве прошла акция «Модный ответ – санкциям нет». Предлагалось взять любую старую майку и обменять на абсолютно новую футболку с броским и глубокомысленным принтом на выбор: «У нас свои приколы без вашей кока-колы», «Тополь санкций не боится» или «Не смешите мои «Искандеры». После акции хитом интернета стала фотография Анны Семенович в футболке с надписью «Не смешите мои «Искандеры». Ацию также поддержали другие публичные личности, такие как актриса Ольга Кабо, певица Анжелика Агурбаш, поп-группы «Фабрика» и «Мобильные блондинки», писатель Олег Рой, боксер Николай Валуев.

В октябре 2014 года всенародный любимец Михаил Пореченков был замечен в том, что стрелял по позициям украинских военных в донецком аэропорту²¹, и за проявленный героизм снискал множество поддерживающих комментариев российских пользователей социальных сетей. В канун Нового 2015 года еще один всенародный любимец А. Домогаров в своем Фэйсбуке призвал оппозиционеров уезжать из России и «не таявкать»²². В начале января 2016-го журналист Егор Просвирин заявил, что Россия должна захватить соседние страны – Украину, Белоруссию и Казахстан.

¹⁹ Профессора МГУ Дугина потребовали уволить за призыв «убивать, убивать и убивать» // MKRU 16 июня 2014 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2014/06/16/skandal-iz-seti-professor-mgu-dugin-prizval-ubivat-ubivat-i-ubivat-ukraincev.html>

²⁰ Алексей Панин извинился перед крымскими татарами // <http://crimea.vgorode.ua/news/sobytyia/187672-aleksei-panyn-yzvyunylsia-pered-krymskymy-tataramy> 23 августа 2013 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: VGORODE.UA

²¹ Актер Пореченков стрелял по украинским военным в Донецком аэропорту (фото, видео) // Подробности — 30 октября 2014 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://podrobnosti.ua/1000600-akter-porechenkov-streljal-po-ukrainskim-voennym-v-donetskom-aerortu-foto-video.html>

²² Алесандр Домогаров предложил оппозиционерам не «таявкать» и валить из страны: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rf-smi.ru/polit/18956-aleskandr-domogarov-predlozhit-oppozicioneram-ne-tyavkat-i-valit-iz-strany.html>

Начиная с весны 2014 года, в Москве и Крыму стали появляться баннеры с надписью «пятая колонна» и с фотографиями известных представителей интеллигенции и оппозиционных политиков. Осенью этого же года стал происходить систематический срыв концертов и лекций Андрея Макаревича.

В октябре заместитель администрации президента Вячеслав Володин произнес знаменитую фразу: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России».

15 января 2015 года в Москве было создано движение «Антимайдан». В тот же день движение отметило свое возникновение разгоном сторонников Алексея Навального в кафе, а в дальнейшем проявило себя на попрание силовой борьбы с «бандеровскими» (по их терминологии) митингами за мир.

Об умонастроениях рядовых граждан мы можем составить представление по комментариям в сети интернет. Комментарии, по сути, являются моментальной фотографией мыслей людей населяющих нашу планету. И благодаря современным технологиям, мы можем их видеть. В частности, на основании высказываний в интернете мы можем судить, какое широкое одобрение получил поступок Пореченкова и высказывания Домогарова. Также можно судить о том, какое неодобрение вызывали представители интеллигенции, которые были причислены к «пятой колонне». Особенно частыми объектами нападков становились Андрей Макаревич и Лия Ахеджакова, которых обвиняли либо в меркантильных интересах, либо в желании привлечь к себе внимание.

Далее, приведу несколько высказываний из повседневных бесед между людьми в период 2014—2015 гг.

Говорит мужчина с высшим образованием, кандидат наук: *«Лучшее время взятия Киева – это весна. Сирени будут дарить».*

Относительно этой темы, иногда можно было слышать суждения о том, что Путин совершил непростительную ошибку, в том, что ограничился Крымом и сразу не дошел до Киева. Вот, например, диалог двух мужчин, занимавших противоположные позиции:

– *Путин Хуйло, потому что он вторгся в Крым!*

– *А может он Хуйло, потому что не захватил всю Украину?!!*

Мужчина средних лет: *«Путин молодец! Если бы не он, всю Россию бы уже разворовали, распродали».*

Молодая женщина, преподаватель музыки: *«Ну что прицепились к этой коррупции. Это такая национальная русская традиция. На Руси всегда воровали. Ничего плохого в этом нет».*

Молодая женщина с высшим психологическим образованием: *«Ну, какая у нас может быть демократия? Вы посмотрите на этих людей. Они даже на выборы не ходят! А либерализм для меня ругательное слово!»*

Молодой мужчина с высшим образованием: *«Во всех странах диктатура. В Америке она еще страшнее, потому что незаметная».*

Женщина, врач по профессии: *«Ну и подумаешь, Крым присоединили! Ну и подумаешь братский народ! А какие должны быть отношения между народами?»*

Из разговора в маршрутке между двумя пожилыми женщинами:

– *Путин нас поднял! Теперь у нас все на иномарках ездят. А вот Обама неправильную политику проводит.*

– *Да американцы дураки! Негра в президенты выбрали!*

От геополитически просвещённых граждан можно было услышать идею, что неплохо было бы скинуть ядерную бомбу на Белый дом, чтобы решить все проблемы разом.

Ультра-патриотическая радиация, безусловно, так или иначе, воздействовала на все общество, а не только тех, кто принял убеждения, транслируемые госпропагандой – девушка говорит в шутку (она не сторонница правящего режима и милитаризма): *«Евро растет,*

теперь в Литву не поедешь... Надо Литву и Польшу присоединить! Пусть там будет рублевая зона!» Пожилая женщина, критически относящаяся к государственной российской политике о реакциях людей в то время: *«Хороший у нас народ: слепой, глухой и немой!»*

Об умонастроениях людей того времени также дают представления результаты социологических исследований. По данным Левада-центра осенью 2014 года 86% россиян поддерживали присоединение Крыма²³. По данным ВЦИОМ большинство россиян считали добровольцев, воюющих на Донбассе мужественными людьми, большинство участников опроса – 65% – положительно относились к тем, кто присоединился к вооруженным сторонникам организаций «ДНР» и «ЛНР». Женщин, одобрявших бы идею друга, знакомого или родственника повоевать на стороне ДНР-ЛНР, насчитывалось 12% (полностью положительно) и 24% (скорее положительно)²⁴. Таким образом, умонастроение рядовых российских обывателей вполне соответствовали высказываниям публичных людей и приведенным медиа-событиям. Скорее последние являлись лишь их концентрированным выражением.

Анализ

Далее предпримем попытку анализа наблюдавшихся феноменов с помощью понятий психопатологии. Для этого давайте рассмотрим поведение среднего россиянина в этот период. Я не буду приводить многочисленные частные примеры, а представлю обобщенный образ. Как уже говорилось выше, весной—летом 2014 года большое количество людей, даже ранее совершенно безразличных к политическим событиям, оказались вовлеченными в размышление над политическими темами и в их обсуждение. Разговоры на эту тематику возникали повсеместно – на работе, в кругу друзей, на улице, в поезде и даже на приеме у врача в поликлинике. Преамбула разговора обычно была стандартная: «Что нового в мире творится?» – или, – «А вы слышали, что сегодня на Украине происходит?!» Далее начинался обмен репликами, как правило, эмоционально окрашенными, который включал рассказ о подразумеваемых событиях и объяснение личного видения говорящего. Если точки зрения собеседников совпадали, то разговор заканчивался некоторым снижением эмоционального накала и чувством удовлетворенности от беседы. Нечто совершенно иное происходило, если взгляды собеседников на обсуждаемую тему существенно расходились. В разговоре возникало эмоциональное напряжение с враждебными чувствами, беседа могла перерасти в перепалку с взаимными оскорблениями. Ни для кого не секрет, что из-за таких «диспутов» нередко рушились дружеские связи, возникало отчуждение между родственниками. Таким образом, казалось бы, далекие от повседневной жизни политические проблемы оказались чрезвычайно лично значимыми.

Теперь рассмотрим систему субъективной аргументации, использовавшуюся в спорах. Если говорить о содержании суждений, то «средний» россиянин, как правило, придерживался нескольких незамысловатых тезисов – «западные украинцы всегда не любили восточных», «власть в Киеве захватила хунта, она проводит карательную операцию», «Путин все делает правильно!», «Яценюк – нехороший человек», а также нескольких связанных с ними: «Майдан – это зло», «демократия – это обман», «в России нужна сильная власть!» и т. п.

Во-первых, как я уже говорил, обращала на себя внимание аффективная насыщенность реакций, если собеседник выражал несогласие. Ее спектр мог варьировать от глубокой растерянности, как будто человек был совершенно не готов к тому, что кто-то может думать каким-то иным образом, нежели он («ты что, телевизор не смотришь?», «вот же РИА-ново-

²³ Большинство россиян считают, что на Крыме следует остановиться // Левада-центр. Публикации в прессе. – 10.11.2014: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2014/11/10/bolshinstvo-rossiyan-schitayut-chto-na-kryme-sleduet-ostanovitsya/>

²⁴ Россияне за добровольцев: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://energynews.su/12003-rossiyan-zh-dobrovolcev.html>

сти написали!») до ярости («ты что, за фашистов?!», «Родину любить надо!»). Такая сила реакции свидетельствует о чрезвычайно сильной личной идентификации индивида с декларируемыми им положениями. Можно предположить, что если бы некто сказал ему о том, что Земля плоская, а не круглая, он бы очень сильно удивился, но не стал бы реагировать на собеседника яростью.

Во-вторых, обращала внимание строгая избирательность в выборе каналов информации. Типичный (в нашем контексте) индивид обычно пользовался несколькими новостными каналами на телевидении или в интернете (некоторые, по всей видимости, для того, чтобы подчеркнуть свою независимость от общественного мнения заявляли, что они не смотрят телевизор, но на проверку оказывалось, что они черпают информацию из новостных лент в интернете с аналогичным содержанием). Все другие каналы информации априори дисквалифицировались как дезинформирующие.

В-третьих, логические умозаключения строились таким образом, что факты, которые противоречили предполагаемому заранее выводу либо просто игнорировались, либо перетолковывались в желаемом направлении. Таким образом, мы имеем дело с чем-то похожим на паралогическое мышление²⁵.

В-четвертых, в типичном случае носитель идей практически не поддавался переубеждению, даже если ему указывали на очевидные факты. В лучшем случае на некоторое время он мог погрузиться в задумчивость, но затем вновь возвращался к своим утверждениям, иногда приводя новые доводы, иногда, как будто бы просто забыв, что ему говорилось. Некоторые же (возможно более честные с собой) говорили: «Я просто в это верю, и мне не нужны доказательства! Я просто хочу верить в *это*».

В-пятых, наблюдалась жесткая поляризованность восприятия: мир делился на «черное» и «белое», всегда правых «нас» и врагов, внешних и внутренних, причины трудностей размещались за пределами своей личной идентификации (иностранные враги и их агенты внутри страны). Зачастую декларировалось, что для борьбы с «врагами» приемлемы все средства – от военных действий до политических репрессий.

В-шестых, обращал на себя внимание тот факт, что, как и в описании душевных эпидемий В. Х. Кандинским, многие как бы утратили морально-нравственные нормы своиственные им прежде. Например, религиозный человек, категорически выступающий против воровства и насилия, был не против присвоения Крыма. Бывший либерал начинал оправдывать диктаторские методы правления, бывший сторонник равноправия заявлял, что в силу естественных причин есть более высокие народы, а есть те, кто должен подчиняться и т. п.

Если говорить о симптоматических явлениях на уровне групп, то мы наблюдали: 1) инверсию прежних моральных ценностей в обществе (если не сказать, моральную деградацию), 2) дефицит критически-аналитического мышления, 3) поиск внешнего врага, ксенофобию и ненависть, 4) инфантильную, практически рабскую зависимость от государственных лидеров, 5) слепую приверженность индоктринируемой СМИ точке зрения, доходящую до фанатизма.

В целом, описанное состояние имеет черты, связанные, прежде всего с характером мышления – искажение логики, доминирование указанных выше идей в сознании, невозможность их коррекции с помощью логических аргументов и фактов, – придающие ему сходство с паранойяльным синдромом (хотя конечно я не отождествляю его с истинной паранойей, т.к. в данном случае нет патологической основы, на котором оно развивается).

²⁵ Паралогическое мышление (от греч. *paralogismos* – противный разуму, неразумный) – термин психопатологии, обозначающий нарушение мышления, в результате которого страдает логика рассуждений. Это мышление образно называют «кривой» логикой, потому что оно исключает любые факты и суждения, противоречащие целевому представлению субъекта.

С точки зрения своего происхождения и по своим проявлениям оно также близко к описанному в конце 19 века французскими врачами Э.-Ш. Ласегом и Ж.-П. Фальром синдрому, названному ими бредом вдвоем (Folic A Deux). В настоящее время в МКБ-10 оно обозначается термином индуцированное бредовое расстройство (F 24). Главные признаки этого расстройства следующие:

- Один, два и более лиц разделяют бред и бредовую систему, поддерживают друг друга в этом убеждении. Один из них имеет истинное бредовое расстройство (чаще шизофреническое).

- У индуктора и реципиента тесные взаимоотношения (семейные, территориальные, религиозные); бред реципиента исчезает при разлучении.

- Есть сведения об индуцировании бреда реципиенту путем контакта с индуктором (совпадение по времени и другим характеристикам).

- Возможны индуцированные галлюцинации.

Безусловно, наблюдаемое нами состояние имеет собственную специфику: во-первых, индуктором не выступает душевнобольной человек, во-вторых, это скорее «бред» совместный с большой социальной группой, нежели бред вдвоем. Я бы предложил для его обозначения использовать термин синдром медиаинфотоксикации. Термин «инфотоксикация» стал применяться украинскими психиатрами, оказывающими психиатрическую помощь на Донбассе, в разгар российской милитаристской пропагандистской компании летом 2014 года²⁶. В разгар лета, когда бои на востоке Украины сместились к российской границе, работающие в округе психиатры начали замечать у жителей, оказавшихся втянутыми в конфликт, нетипичное расстройство. Сперва его симптомы было сложно дифференцировать от более распространенных психических последствий войны – тревожности, бессонницы, депрессии – однако они достаточно отличались для того, чтобы врачи начали придумывать болезни особое имя. Они назвали ее «инфотоксикацией» или, проще, «украинским синдромом». К признакам психической травмы у людей добавились заметные агрессивность и паранойя, выражаемые в причудливых суждениях, причем пациенты придумывали эти фразы не сами. Оказалось, что их источник – телевидение.

На основании наблюдения за россиянами, попавших под влияние СМИ, я бы выделил следующие характерные черты этого состояния:

- Сверхценные и заведомо ложные («бредоподобные») идеи возникают в результате получения информации через средства масс-медиа (телевещание, интернет, социальные сети). Эти идеи, используя выражение В. Х. Кандинского, также можно назвать эпидемическим бредом²⁷.

- Из-за постоянной фокусировки сознания на внушенных идеях у реципиента меняется фон настроения, возникает чувство психического и физического напряжения, отмечается паранойяльная настороженность, злобность.

- Обычно существуют группы реципиентов, получающие однотипную информацию, которые поддерживают друг друга в воспринятых идеях.

- Отмечается повышенная аффектация, когда разговор касается внушенных идей. Отмечается повышение эмоциональной напряженности после получения очередной дозы информации (просмотра ТВ-программ, чтения новостей в интернете).

²⁶ Шустер С. Украинские специалисты по психологическим травмам борются с «инфотоксикацией» // InoPressa, 5 августа 2014 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: [битая ссылка] <http://www.inopressa.ru/article/05Aug2014/time/shuster.html>

²⁷ Кандинский В. Х. Нервно—психический контагий и душевные эпидемии / «Общепонятные психологические этюды», 1881 г Сборник трудов Виктора Хрисанфовича Кандинского Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В. Х. Кандинский. – СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. – С. 124.

– Попытки переубеждения с предоставлением логических аргументов и фактов не приводят к успеху, но могут спровоцировать агрессию.

– Наблюдается повышенная конфликтность с людьми, не разделяющими систему верования «инфотоксифицированного».

– Отмечается редуцирование симптоматики после прекращения контакта с источниками индукции. Хотя может оставаться вера в индуцированные идеи, но острота эмоциональных переживаний снижается.

Нельзя игнорировать и тот факт, что ряд людей под воздействием медиа пропаганды вовлеклись в прямое совершение социально опасных действий. Я имею в виду тех, кто добровольно поехал воевать на стороне «ополчения» в «ДНР» и «ЛНР».

Также в описанном выше состоянии мы можем увидеть и черты характерные для политического фанатизма. В монографии Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой «Социодинамическая психиатрия» говорится, что фанатизм определяется как состояние, связанное с личностной структурой человека и характеризующееся убежденностью в необходимости фиксации на каком-то суженном содержании или суженной системе ценностей. Убежденность сочетается с высокой степенью идентификации человека с этими явлениями, с интенсивностью переживаний, продолжительностью и настойчивостью, результатом которых является занятие человеком определенной позиции с постоянным пребыванием в ее пределах, отмечается неспособность таких людей к компромиссу и диалогу с окружающими. Люди, высказывающие другие взгляды, рассматриваются в качестве врагов²⁸. Однако, здесь нет противоречия с описанием, представленным выше, так как известно, что фанатические идеи нередко являются индуцированными извне.

Безусловно, это состояние по этическим и прагматическим соображениям нельзя относить к психиатрическим расстройствам, которые приводят к ограничению вменяемости человека, т.к. трудно поверить, что люди ему подверженные полностью утратили способность к тестированию реальности.

К концу 2015 года сильные эмоции, связанные с этим состоянием спали. В большинстве своем люди не изменили своей точки зрения, что также совпадает с описанием В. Х. Кандинского, но прежние мысли уже не доминировали в такой степени в их сознании и обычно не вызвали сильной аффектации. В этом плане состояние в этот период можно сравнить с резидуальным бредом.

Психогенез данного психоконтагиозного расстройства

В психогенезе этой массовой эпидемии участвовала комбинация трех факторов: во-первых, целенаправленное суггестивное воздействие СМИ, во-вторых, эффекты группового давления и эмоционального заражения, в-третьих, определенные черты личности и установки, которые оказались для многих людей общими. Обо всех них далее я буду говорить подробно.

Сейчас сделаю лишь краткое пояснение. Примечательно, что даже те люди, которые не поддались влиянию психической эпидемии, говорили о том, что им было в определенной степени трудно противостоять влиянию телепропаганды. Не смотря на то, что у них была информация из первых рук, доходившая от знакомых, друзей и родственников на Украине, во время просмотра новостных передач невольно возникали мысли: «Не является ли правдой то, что говорят телеведущие?» Суггестивное влияние телевидения было чрезвычайно сильным.

Сила этого суггестивного влияния непосредственно зависит от контакта с источником. Эмоциональное воздействие ослабевает, когда субъект перестает получать медиа-сообщения

²⁸ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. – М.: «Академический проект», 2000. – С. 351.

ния. Как я уже сказал выше, в случае массированного воздействия пропаганды мы можем увидеть большое сходство с синдромом Folie à Deux. Хотя, безусловно, в данном случае, как уже говорилось, имеются существенные отличия: во-первых, индуктором выступает не душевнобольной человек, а журналист или пропагандист, преследующий вполне определенные цели; во-вторых, реципиент лично не знаком с индуктором, индукция осуществляется через, как правило, сознательно созданный медийный образ; в-третьих, это не бред вдвоем, а скорее «бред» совместный с большой социальной группой.

Что касается фактора группового давления, то многим людям было чрезвычайно трудно противостоять влиянию группы – принятие альтернативной точки зрения, означало реальную возможность конфликтов с окружением и эмоционального отвержения. Это приводило к тому, что человек в ситуации группового влияния демонстрировал конформную реакцию, автоматически присоединяясь к мнению большинства. Поэтому многие сделали выбор в сторону психологической аффилиации со стороны окружения, а не в сторону самоопределения и отстаивания своей личной точки зрения, тем более что под воздействием пропаганды накал эмоций людей был чрезвычайно велик. Поскольку принятие чуждой точки зрения приводит к внутреннему конфликту, то индивиду психологически проще было убедить себя, что он действительно разделяет верования и поддерживает модели поведения группы. Как писал Эрих Фромм: *«Боязнь изоляции и остракизма в большей мере, чем „страх кастрации“, заставляет людей вытеснять из сознания то, что является табу, поскольку его осознание означало бы, что человек не такой, как все, особый, и, значит, он будет изгнан из общества. Поэтому индивид должен закрыть глаза на то, что группа, к которой он принадлежит, объявляет несуществующим, или принять за истину то, что большинство считает истинным, даже если бы его собственные глаза убеждали его в обратном»*²⁹. На мой взгляд, психологические механизмы, действующие при описанном нарушении сходны с механизмами характерными для диссоциативных расстройств³⁰ – это внушение, самовнушение, условная желательность и др.

Пропаганда также затронула неразрешенные комплексы многих людей и, прежде всего, апеллировала к фрустрированной национальной гордости, которая, как правило, является уязвимым местом личной идентичности большинства людей всех национальностей. Поэтому для многих очень соблазнительно было поверить в подогревающие национальное самолюбие (т.е. национальный групповой нарциссизм³¹) пропагандируемые идеи. Возможно, именно по этой причине очень многие люди утратили способность не только рационально мыслить, но даже свои прежние представления о морали. Как писал Дж. Оруэлл: *«Стоит задеть националистический нерв, и куда-то деваются интеллектуальные приличия, меняется прошлое, отрицаются самые очевидные факты»*³².

Думаю, случай этой психической эпидемии представляет существенный интерес с точки зрения социальной психиатрии. В данном случае умелое манипулирование разными факторами привело к огромным по своим масштабам массовидным психическим явлениям. Также возникает беспокойство по поводу того, какие отдаленные последствия могут иметь такого рода психоконтагиозные вспышки, как для отдельных личностей, так и на уровне больших социальных групп.

²⁹ Фромм Э. Душа человека. М.: Изд-во «Республика», 1992. – С. 349.

³⁰ Диссоциативные расстройства – психические расстройства, в основе которых лежит защитный механизм диссоциации, т.е. отщепления отдельных психических функций от сознания.

³¹ Групповой нарциссизм – психоаналитическое понятие, означающее, что нарциссическое самолюбование переносится со своей собственной личности на более или менее широкую группу, с которой индивид себя идентифицирует: семью, клан, профессиональную группу, нацию, расу и т. д.

³² Оруэлл Дж. Литература и тоталитаризм / Скотный двор. Эссе – Москва: АСТ, 2015. – С. 229.

Возникает вопрос, были ли какие-то маркеры предвещавшие произошедшее? Думаю, были. К ним относятся данные социологов о возрастающем с начала 00-х гг. положительном отношении к Сталину, советскому правителю, прославившемуся не только жесточайшими репрессиями, но и тем, что он расширял территории и сферу влияния советской империи, разочарование в институтах демократии. Однако, как известно, мнения ученых обычно вызывают интерес только у достаточно узкого круга лиц. Также возможным предиктором был и духовный вакуум, царивший в российском обществе с начала 90-х годов. Вполне возможно, что эти скрытые предпосылки так и остались бы в латентном состоянии, если бы не стечение обстоятельств, связанных с крымско-украинскими событиями.

Также чрезвычайно интересно было бы знать, были ли какие-либо ресурсы внутри страны и в мире, для того чтобы предотвратить произошедшее. Проблема является чрезвычайно сложной, поскольку предполагает учет множества факторов разного уровня (не только психологических), и, безусловно, выходит за рамки этой книги. Тем не менее, в части 4 я попытаюсь проанализировать, какие факторы могут противодействовать имперско-шовинистическому восприятию и мышлению.

Социально-психологические последствия эпидемии «восставших с колен»

Очевидно, что эта массовая психическая эпидемия имела последствия в разных сферах:

– В гуманитарной – гибель людей на Донбассе, появление вынужденных переселенцев. В целом, по данным ООН с середины апреля 2014 года по 27 июля 2015 года погибли, по крайней мере, 6832 человека (гражданских и военных), и, по меньшей мере, 17087 человек были ранены в зоне конфликта на востоке Украины³³. Зону боевых действий на Донбассе покинули 2,3 млн. человек³⁴. Официальные данные о погибших российских военных на территории Украины засекречены. По неофициальным данным на осень 2015 года погибло 2 тыс. кадровых российских военнослужащих, 3,2 тыс. получили тяжелые ранения и признаны инвалидами³⁵. По неофициальным данным число погибших воюющих со стороны России боевиков, не являвшихся кадровыми военными, на тот период было намного большим. По данным ООН на июнь 2016 года, по меньшей мере, 9 371 человек были убиты и 21 532 получили ранения на востоке Украины с начала конфликта³⁶.

– Во внутривластной – усиление позиции авторитарного правления и давления на оппозицию (в частности, был вынужден уехать в США депутат Госдумы Илья Пономарев; произошли такие события как убийство Бориса Немцова в феврале 2015 года, отравление активиста «Открытой России» Владимира Кара-Мурзы³⁷, недопущение оппозиционных партий к региональным выборам в 2015 году, уголовные преследования и вынужденная эмиграция многих гражданских активистов).

События 2014—15 гг. задали вектор внутреннего политического и идеологического развития страны. Как его следствия можно рассматривать такие симптоматические явления в начале 2016 года, как санкционированное чиновниками сожжение книг в республике Коми³⁸, заявление главы Чеченской республики Кадырова о том, что к внесистемной оппозиции «надо относиться, как к врагам народа, как к предателям» и «судить по всей строгости за их подрывную деятельность»³⁹, напоминание Путиным тем, кто пишет анонимные жалобы в интернете о методах Лаврентия Павловича Берии⁴⁰ и др.

³³ Количество погибших на Донбассе приближается к 7 тысячам – ООН // <http://korrespondent.net/ukraine/3544837-kolychestvo-pohybshykh-na-donbasse-priblyzhaetsia-k-7-tysyacham-oont>, 29 июля 2015 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: Корреспондент.не

³⁴ ООН: Зону боевых действий на Донбассе покинули 2,3 млн человек // <http://korrespondent.net/ukraine/3540414-onn-zonu-boevykh-deistviy-na-donbasse-pokynuly-23-mln-chelovek>, – 17 июля 2015 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: Корреспондент.не

³⁵ Зрада по-русски: СМИ РФ опубликовали, сколько военных погибло на Донбассе // <http://donbass.ua/news/world/2015/11/13/zrada-po-russki-smi-rf-opublikovali-skolko-voennyh-pogiblo-na-donbasse.html> -13.11.2015 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: Donbass.ua

³⁶ Украина: после двух лет конфликта ситуация на востоке остается «мрачной» – доклад ООН: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=20056&LangID=R#sthash.8KH6wimq.dpuf><http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=20056&LangID=R>

³⁷ Эксперты нашли в организме отравившегося активиста ПАРНАС тяжелые металлы: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/20/01/2016/569fa2259a79475d31e897d4>

³⁸ Книжки не горят? // Росбалт, 15 января 2016 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/01/15/1480249.html>

³⁹ Памфилова посоветовала Кадырову сбавить обороты в борьбе с оппозицией // <http://lenta.ru/news/2016/01/20/pamfilova>, 20 января 2016 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: Lenta.ru

⁴⁰ Путин напомнил авторам анонимных жалоб в интернете о Берии: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/569f83329a79472cb3f077bc>

– Во внешнеполитической – нарастающая международная изоляция России, экономические санкции и продолжение российским руководством милитаристской политики.

– В экономической – доходы в 2015 году снизились в 73 регионах. В рублевом эквиваленте с октября 2014 по октябрь 2015 реальная зарплата упала на 10,9%, происходила задержка зарплат, заморозка накопительной части пенсии и не проведение индексации. По итогам первого квартала 2015 года число бедных увеличилось до 22,9 млн., что составило 15,9% от общей численности населения⁴¹. По оценке аналитиков, это стало первым существенным повышением уровня бедности за период после кризиса 1998—1999 гг.

В то же время, безусловно, это была отнюдь не первая психоконтагиозная вспышка в истории человечества, и отнюдь не самая кровавая, если оценивать потери на сегодняшний день (для сравнения можно вспомнить, например, Варфаламеевскую ночь 1572 года, за очень короткое время унесшую жизни около 30 тыс. человек, или из недавней истории конфликт между сербами и хорватами). В этом смысле, конечно, мы наблюдали относительно мягкую форму коллективного политического психоза. Тем не менее, при существовавшем эмоциональном напряжении в обществе, если бы был брошен призыв бить «предателей», думаю, добровольцев не пришлось бы искать долго. Пока мы не знаем, какими будут более отдаленные, непрямые последствия эпидемии «восставших с колен». Кроме того, в век ядерного оружия такого рода процессы массовой психологии могут иметь чрезвычайно опасные результаты, которые по своим масштабам способны превзойти все кровавые ужасы средневековья.

Также эта эпидемия имеет и отчетливо ощутимые социально-психологические последствия для российского общества. Далее на них я остановлюсь подробнее. С точки зрения воздействия событий, о которых идет речь, на отдельных людей, на мой взгляд, можно выделить три различных психологических синдрома, наблюдавшихся и до сих пор наблюдающихся у обычных граждан России. Условно их можно назвать «синдромом ура-патриота», «синдромом отщепенца» и «синдромом конформиста». Далее я представлю их описания. Хотя в последующем изложении используется прошедшее время, все феномены мы можем наблюдать и сейчас в 2016 году, изменилась лишь интенсивность эмоционального реагирования. В соответствии с принципами феноменологического исследования в описании следует использовать естественный разговорный язык, поэтому в тексте будут встречаться экспрессивно окрашенные сленговые выражения, являвшиеся составной частью повседневной речи того времени. Цитирование в тексте такого рода выражений и непечатных слов не преследует цели оскорбить какую-либо категорию граждан, национального лидера РФ или других лиц, а связано исключительно со спецификой метода исследования и призвано отразить эмоциональное состояние опрашиваемых и наблюдаемых людей.

«Синдром ура-патриота»

Типичное поведение ура-патриота, в целом, я уже охарактеризовал выше. Добавлю лишь некоторые штрихи к портрету человека с этим синдромом.

Критически настроенные к этой мировоззренческой установке также называли людей принявших фанатичную провластную и милитаристскую позицию «ватниками». Предположительно саркастическое прозвище «ватник» возникло от названия спецодежды, которую выдавали заключенным ГУЛАГа. Но по иронии судьбы, это прозвище находило отражение в стиле мышления ура-патриота – поразительной ригидности, бьющим в глаза нарушением формальной логики, абсолютной, неестественной слепоте ко всем фактам, которые проти-

⁴¹ Численность бедных в России выросла до 22 млн. человек // <http://www.interfax.ru/russia/453429> – 13 июля 2015 г.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: INTERFAX.RU

воречили бы его картине мира, яростью, которая возникала, когда он сталкивался с контраргументами. Кроме содержания мировоззрения в «ватниках» был примечателен особый стиль мышления, о котором уже упоминалось раньше – ответы и реплики явно не соответствующие обсуждаемой теме, возникали как бы невпопад, отмечалась ригидность убеждений, сочетающаяся с незнанием элементарных фактов, было характерно глухое отрицание очевидных событий (например, присутствие российских военных в Крыму, кризис российской экономики). А если ура-патриот все же признавал их, то они тут же перетолковывались в «позитивном» ключе (например, как прозорливость президента, экономическая мощь России и т.п.). Этот когнитивный стиль через короткое время начинал вызывать у собеседника чувство безысходности. Певец и артист Алексей Лебединский так описал свои ощущения от общения с этим контингентом людей: *«Раньше меня коробило слово „вата“ в отношении огромной части моего народа, хоть оно звучало только по отношению к ничего не желающим ни слышать, ни понимать, ни размышлять вообще, непрошибаемым рабам телевизора, коих полно. Мне было жаль их, несчастных. А теперь я понимаю, насколько точно это название – это же реальная ВАТА, где любая мысль, даже самая острая и прямая, просто и четко выраженная, запущенная в лоб и смотрящая прямо в глаза, застревает, глохнет и обречена либо на игнорирование, либо на сгустки черной выползающей массы тупизмов в ответ, но совсем по другой теме...»*⁴²

На поверхностном уровне «ватник» обычно оперировал тезисами из официальной телепропаганды об украинских «фашистах» и о необходимости защиты русскоговорящего населения, о геополитических притязаниях вероломной Америки. Но в то же время подспудно более или менее явно, как правило, прослеживалась и другая линия логики. Вот типичные высказывания:

«После присоединения Крыма я почувствовала себя человеком».

«Нам нужна сильная Россия! А Крым геополитически важный плацдарм».

«Нам нужно сплотить народ. А без милитаризма здесь не обойтись».

«Путин поднимает меня с колен. И мне не важно, кто прав, а кто виноват. Я хочу, чтобы Россия была сильной и нагибала другие народы».

«Путин стал МОИМ президентом после Крыма».

«Путин показал, что Россия может вести свою геополитику и не спрашивать ни у кого на то разрешения. Это и позволило многим россиянам почувствовать ВПЕРВЫЕ ощутить национальную гордость за свою страну и президента. Особенно после правления алкаша Ельцина».

«Что этим хохлам еще надо? Мы им и так газ задарма продаем».

«Россия может быть только империей».

Таким образом, на уровне психологических мотиваций «ура-патриота» в первую очередь волновала отнюдь не борьба с «укрофашистами» и защита русскоязычных жителей Донбасса и Крыма, а приобщение к силе, которую он видел в милитаристской имперской политике.

Некоторые, особенно воспламенившиеся ура-патриотическим вирусом, ехали воевать на Донбасс добровольцами на стороне «ДНР» и «ЛНР». Что примечательно, иногда это были не только маргиналы и бывшие участники боевых действий, но и офисные работники, пресытившиеся спокойной жизнью. Другие, по каким-либо причинам сами поехать не пожелавшие, репостили в социальных сетях объявления о том, как добраться в пункты набора «ополченцев». Хотя обычно такое рвение на словах объяснялось желанием защитить русскоговорящее население и восстановить нарушенную справедливость, как правило было заметно, что за ним скрывались другие более или менее осознанные мотивы. Прочитую

⁴² <https://www.facebook.com/ProfessorLebedinsky/posts/943709158986355>

отрывок из интервью с одним респондентом о его разговорах с коллегой, который решил бросить работу риэлтора и отправиться на Донбасс: *«Он пришел с трясущимися руками и сказал, что не может больше так, и душа обязательно требует идти воевать. Я пожелал ему не доехать до места. У нас с ним были споры, я говорил: „Ну ладно, предположим, что действительно затронуты интересы жителей Донбасса. Но ради чего воюют ополченцы, какова их конечная цель?“ Подозреваю, что для него эти события ассоциировались с какой-то ностальгией по Советскому союзу, хотя он молодой человек... Он ничего не мог ответить, но было видно, что он злится».*

Казалось бы, совершенно парадоксальным образом «ватника», декларирующего пламенную заботу о населении, совершенно не трогала информация о гибели мирных жителей на Донбассе, о том, что в Крыму и Славянске людей использовали как «живой щит», что в Донецке «ополченцы» устраивали огневые точки в жилых квартирах. Когда ему говорили о таких фактах, то он либо как будто бы не слышал, либо сразу же отметал такую информацию как очевидный фейк, либо проявлял поразительное бесчувствие и цинизм. «Ура-патриот» мог рассуждать о гуманизме, справедливости и сострадании, но сострадание это было весьма избирательным. Например, такой индивид мог выражать бурю негодования по поводу обстрелов Донецка, но оставаться совершенно равнодушным к гибели людей, таких же мирных граждан, как и в любом другом месте, в Мариуполе в результате обстрела «ополченцев» («А, хохлы опять врут»). Или проявлять искреннюю радость, когда узнавал о каком-либо неблагополучии в других странах, – например, если на Украине выявили чиновника-коррупционера, – но аналогичные события в своей стране его внимания совершенно не привлекали.

Эмоциональные реакции ура-патриота были резко поляризованными – подъем настроения и благодушие вызывало все, что связано с политикой Президента, успехами «ополченцев» на Донбассе, и резко негативные эмоции возникали при упоминании Украины, Америки, западных стран, а так же тех, кого называют «оппозиционерами» (это слово обычно употреблялось им с презрительно-уничижительными интонациями).

Думаю, что главные идеи «ура-патриота» и присущий его мышлению цинизм выраженные в явном виде достаточно точно иллюстрируют слова «ополченца», приведенные в статье Марии Эйсмонт⁴³:

– Нет никакой Украины. Нет войны между Россией и Украиной, есть война между Россией и США, а украинцы – лишь кусочки мяса.

– Ну ты скажи, Украина имеет право на независимость, имеет право вступить в Евросоюз? Или она всегда должна быть придатком России?

– Если Россия не против – пускай вступает.

– То есть ты считаешь, что любая страна, которая была в Советском Союзе, до сих пор должна быть нашей?

– Нет. Любая страна, за которую пролита хотя бы капля русской крови, может быть частью России.

– Но если они не хотят быть с нами?

– Знаешь, Миша, это как вопрос с женщинами. Не все женщины, с которыми мы спали, хотели с нами спать. Но мы были мужчинами и убедили их в обратном.

В большинстве случаев мировоззрение «ватника» было эклектично и внутренне противоречиво. Например, «ура-патриот» мог декларировать свою приверженность православию и в то же время восхищаться И. Сталиным. Оценка событий была пристрастной и зависела не от характера действия, а от того, кто был его субъектом. Все действия, совершенные теми, кто у ура-патриота ассоциировался с Россией, оценивались им безусловно положительно.

⁴³ Эйсмонт М. Синдром оплченца: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://snob.ru/selected/entry/89001/page/2>

При чем, нередко, это сочеталось с незнанием самых банальных фактов. Но в тоже время «ура-патриот» с готовностью развивал конспирологические версии и проводил геополитический анализ ситуации. Приведу два курьезных примера:

Одной девушке, стороннице «русского мира» и «ДНР» летом 2014 года показали видео, на котором пожилые женщины просят «народного губернатора» Донбасса Павла Губарева убрать огневые гнезда из их жилого дома, потому что это приведет к обстрелу дома силами ВСУ. На что Губарев отвечает, что понимает их, но убрать гнезда нельзя. Просмотрев это видео, поклонница «ДНР» заявила, что, наверное, это какой-то «америкос» и ему плевать на мирных жителей. Когда ей объяснили, кто такой П. Губарев, и дали соответствующие подтверждения, она сказала, что видимо он все делает правильно, для этого есть причины... Еще одна образованная девушка, выразительница настроений ура-патриотического большинства, сетовала, что власть на Украине захватили фашисты, а ополченцы и российские военные на Донбассе все делают правильно, потому что защищают российские геополитические интересы. Когда ее спросили, не смущает ли ее тот факт, что воевать на стороне ополченцев из России в первую очередь поехали русские ультранационалисты, многие из которых придерживаются откровенно нацистских взглядов, она сказала, что в этом нет ничего плохого. Русские националисты просто обиделись на то, что на Донбассе притесняют русский язык.

Как уже говорилось выше, в беседах с «ура-патриотами» чаще всего приходилось сталкиваться с откровенным искривлением логики, суждения нередко доходили до откровенного цинизма. Таким образом, мышление управлялось исключительно эмоциональными предположениями, т.е. представляло такой его тип, который называют «мышлением по желанию».

Еще одной характерной чертой «ура-патриотов» был культ вождя, его идеализация и оберегание его непогрешимого образа даже на фоне очевидных неблагоприятных событий. Во всех ошибках и упущениях мог быть виноват кто угодно, но только не он. Еще один весьма типичный диалог:

– *Что-то цена на доллар и евро перед Новым годом сильно поднялась.*
 – *Ну это последствия путинской политики! Украинского конфликта.*
 – *А при чем здесь Путин!! Это все наше правительство! Оно специально повышает цены на валюту перед новогодними отпусками! Наше правительство самое бездарное в мире!*

Несмотря на свое тревожное настроение и объективную ситуацию, типичный «ура-патриот» верил, что президент ведет его верным путем, и скоро полоса его временных материальных трудностей закончится. В целом, начиная с осени 2014 года обычная реакция ура-патриотов на ухудшение экономической ситуации и снижения уровня жизни выражалась репликой: «А при чем здесь Крым и Путин?! Это из-за западных санкций!» Впрочем, такая избирательная слепота «ватника» распространялась не только на текущие события, но и на исторические факты, которые грозили разрушить позитивный образ объектов идентификации. Например, женщина, врач по профессии, так высказалась о сталинских репрессиях: «Не было никаких сталинских репрессий! Это все в 90-е годы придумали!»

Один из респондентов, у которого я брал интервью, на мой взгляд, весьма точно назвал тенденцию «ура-патриотов» истолковывать явно негативные события в позитивном ключе и не замечать очевидных фактов псевдопозитивным мышлением. Например, санкции это объективно плохо для экономики, но ура-патриот говорит, что теперь будет импортозамещение. В связи с ростом курса доллара ура-патриот, почувствовав, что не сможет поехать в отпуск за границу говорит: «Мы в Крым будем ездить. Зачем нам нужна эта заграница!» Или другое псевдопозитивное высказывание: «Евро растет, но это ничего не меняет». Этот респондент так выражал свое удивление по поводу образа мыслей таких людей: « <...> мне

сложно предположить, что еще должно произойти дальше, чтобы люди начали как-то менять свою точку зрения. <...>

События мало влияют на умозаключения людей, на примере моих знакомых они упорно говорят, что все в порядке и политика правильная. Сложно сказать, что могло бы такого произойти, чтобы они могли сказать: «Путин был не прав, и мы были не правы». Похоже, они навсегда останутся верными приверженцами авторитарной модели нашего государства».

Примечательно также и то, что современные россияне с синдромом ура-патриотизма подобно жителям Океании, страны, описанной в романе «1984» Дж. Оруэлла, моментально овладели навыком (или восстановили его) «двоемыслия». Ура-патриот одновременно верил, что в Крыму/на Донбассе нет российских военных (или, может быть, точнее верил, что он должен в это верить), с другой стороны, знал, что они там есть.

Хотя крымская ура-патриотическая оргия была пронизана духом национализма и шовинизма, по всей видимости, на сознательном уровне большинство ее участников себя так не идентифицировали. Предполагаю, что многие из них, хотя не могу подтвердить свое предположение никакими статистическими исследованиями, едва ли до весны 2014 года имели вообще какие-либо осознанные идейно-политические воззрения.

Что еще любопытно, в сознании противников ура-патриотической позиции и в сети интернет ура-патриот, «ватник» обычно представлял как малообразованный, неумный, склонный к алкоголизации человек. Но в действительности, это очень часто было не так. Приведу цитату из интервью: *«В реальной жизни „ватник“ может оказаться вовсе не подвыпившим тупым быдлом, каким его рисуют оппозиционные паблики в интернете, а вполне интеллигентным, добрым и мягким человеком, вашим приятелем, коллегой или родственником, и даже иметь ученую степень, и его политические воззрения оказываются для вас полной неожиданностью, когда вы случайно или нет затрагиваете тему Крыма или Украины. В этот момент благодущие заканчивается, и вы получаете в свой адрес шквал возмущения и негодования».*

Думаю, когнитивный диссонанс и эмоциональное состояние, которое возникало у оппонентов при общении с таким человеком, хорошо описал Аркадий Бабченко: *«Но если невозможность объяснить трехлетнему ребенку почему нельзя выстрелить из рогатки в Солнце понятна, или невозможность объяснить люмпену, почему плохо ездить по помидорам на тракторе тоже понятна – то эта же самая невозможность объяснить профессору, или писателю, или врачу, или инженеру, почему нельзя отбирать чужое – поражает.*

Вот взрослый же человек перед тобой стоит. Умный даже. Но какая-то часть мозга напрочь изъедена этим доведенным телевидением до абсолюта инфантилизмом, и нравственные императивы, принятые в любом нормальном взрослом обществе, не проникают в сознание совершенно.

С ними невозможно разговаривать. Невозможно дискутировать. Как с капризным ребенком, впавшем в состояние истерики. «Зачем ты отобрал у Пети Крым? Брать чужое – плохо. Отдай. Законы надо соблюдать». «Нет! Не отдам! Мое! Мой Крым! Хочу! Не отдам! Моя игрушка!» И все.

<...>

Ну, про комментарии в сети я вообще молчу. Читаешь – и понимаешь, что ответить на это можно только начав с самых азов. С формирования Земли четыре с половиной миллиарда лет назад. Иначе не получится»⁴⁴.

⁴⁴ Бабченко А. Инфантилизм как государственная политика: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1678556-echo/>

По моему мнению, в случае интеллектуальных ура-патриотов мы имели дело с локальным нарушением способности к логическому мышлению, связанному с сильной эмоциональной аффектацией, запускающей действие психодинамических защитных механизмов, таких как отрицание, смещение, изоляция, проекция, рационализация, «мышление по желанию» и др.⁴⁵ Конечно же, аналогичные защитные механизмы имели место и у носителей других синдромов, но, по моим наблюдениям, у ура-патриотов они отличались особой жесткостью. Можно предполагать, что возможность допущения альтернативных взглядов на происходящее вызывало у них очень сильную тревогу, страх потерять неожиданно обретенное комфортное и уверенное ощущение себя в мире.

Как уже говорилось выше, состояние ура-патриотов менялось во времени – от благодушия, эйфории и ощущения всемогущества весной 2014 года к обиде и озлобленности. К осени 2015-го, хотя большинство ура-патриотов и не отказалось от своих ура-патриотических взглядов, острота эмоций, по-видимому, в основном притупилась.

«Синдром отщепенца»

В условиях Зомби-апокалипсиса предлагаются следующие рецепты выживания. Необходимо найти оружие и транспорт, на котором покинуть место массового скопления людей и поселиться в загородном доме. Заблаговременно предлагается запастись едой, охотничье-рыболовным снаряжением, источниками огня, динамо-машинами, тёплой и защитной одеждой, а также аптечкой.

«Зомби-апокалипсис: правила выживания»

Не все жители России с радостью восприняли аннексию Крыма и связанные с ней внешнеполитические и внутригосударственные последствия. Судя по результатам социологических опросов, количество людей, которые не поддерживали аннексию Крыма, войну на Донбассе и не одобряло путинскую политику, составляло около 10—15%, и, похоже, так оно и было на самом деле. Их идейные оппоненты ура-патриоты обычно называли их «национал-предателями»⁴⁶, «пятиколонниками»⁴⁷ или «либералами».

Следует уточнить, что «либерал» в российском словоупотреблении, начиная с 2014 года, это любой человек, который придерживается идеи верховенства права, в том числе международного, необходимости соблюдения конституции страны, выборности власти и ее подотчетности перед народом. К этой же группе представителями ура-патриотов обычно причислялись и все противники аннексии и войны. Слово «либерал» использовалось в обычном разговорном языке ура-патриотами преимущественно как ругательство, иногда заменяясь на более эмоционально хлесткий неологизм «либераст». По моим наблюдениям, даже люди, которых называли этим наименованием, зачастую затруднялись дать четкое определение того, что такое либерализм, и кто является либералом. По всей видимости, в ура-патриотическом сознании оно обозначало марионетку Запада, продавшуюся ему за печенки, или, в лучшем случае, ставшая ей по собственному недомыслию. Когда после президентской речи весной 2014 года в народную речь моментально вошли слова «нацио-

⁴⁵ Подробнее см. Новикова Л. Механизмы психологической защиты личности в условиях тоталитарного режима // Вестник общественного мнения. – июль—сентябрь 2010. – №3 (105). – С. 28—36.

⁴⁶ Словосочетание национал-предатели (Nationalverräter) впервые использовал А. Гитлер в книге «Моя борьба» (том 2, часть 9 «Мысли о значении и организации штурмовых отрядов» <http://www.magister.msk.ru/library/politica/hitla004.htm>). Весной 2014 г. это словосочетание использовал В. В. Путин в речи посвященной «Новороссии».

⁴⁷ Пятая колонна (исп. *quinta columna*) – агенты генерала Франко, действовавшие в тылу противника во время Гражданской войны в Испании 1936—1939 гг.

нал-предатель» и «пятая колонна», они вкупе со словом «либерал» стали использоваться представителями ура-патриотов как взаимозаменяемые.

Для так называемых «либералов» происходящее показалось чем-то диким, противозастенственным и совершенно не вписывающимся в привычную картину мира. У них возник чрезвычайно сильный диссонанс между тем, к чему они привыкли и тем, что они увидели в 2014—2015 годах, тем, что они сами думали и тем, что думало и говорило большинство окружающих людей. В целом, их состояние во время этих событий можно охарактеризовать как психологический шок, озлобленность и изоляцию.

Приведу цитаты из проведенных мною интервью и повседневных бесед:

«Я помню шок, который я испытывал, и который мои друзья испытывали, и которые, кстати, не разделяют моих убеждений. Не верилось, что в Крыму происходит то, что происходит. То, что это реально. В то, что Совет Федерации одобрил применение войск в Украине, в то, что появились «зеленые человечки».

«У меня ощущение, что моя страна оккупирована. Я живу в стране оккупированной врагом».

«Когда я прихожу на работу, у меня чувство как будто я сумасшедший. Все окружающие думают совершенно по-другому – так как говорят в телевизоре».

«Я до сих пор не могу поверить, что это происходит».

«Я чувствую себя иностранцем в своей стране».

«Я не могу на это смотреть».

«Нужно занять позицию кита из фильма „Левиафан“, который периодически выныривает и созерцает, как там живут люди».

«Совершенно неожиданно для себя от знакомых и не очень знакомых людей я стал слышать фразы, которые слышал лет 30 назад, казалось бы, в ушедшем навсегда советском прошлом: „ты понимаешь, что идет информационная война“, „Запад хочет подчинить нас“. Такое странное и вызывающее ощущение мурашек по коже дежа-вю».

«Уже два года после того как Крым стал „нашим“, мне ничего не хочется, как будто никакая деятельность не имеет смысла, какая-то апатия. Все общество изменилось. Такое ощущение, что мы живем в ситуации распада, что скоро начнется полный хаос, война в мире и внутри страны...»

Вновь приведу цитату из текста Аркадия Бабченко о его ощущениях от проживания в российском обществе этих лет: *«И, черт возьми, надо признать, что это круглосуточное существование в классе коррекции интерната для людей с задержкой в развитии в режиме двадцать четыре часа семь дней в неделю – оказалось и впрямь чертовски тяжело. Возможность встретить человека, еще не съевшего свой мозг, начинаешь ценить крайне высоко. Новая разновидность какого-то совершенно абсурдного гетто.*

Целая страна агрессивных жестоких застрявших в развитии малолеток.

Страна, где классом гегемоном являются гопники...»⁴⁸

На мой взгляд, поэт Андрей Орлов очень точно описал душевное состояние человека, не включившегося в общий псевдопатриотический мейнстрим 2014 года:

*«Ни кола, ни двора, ни друзей, ни родни.
Мы с тобою в России остались одни.
Гнутя крыши от веса сосулечных льдин.
Мы остались с тобою один на один.
Занавешены окна давно, чтобы нас*

⁴⁸ Бабченко А. Инфантилизм как государственная политика: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1678556-echo/>

*Не увидели страшные люди без глаз.
Перерезанный шнур не погасит экран,
Посыпающий солью зияние ран.
В каждом слове – злоеющий кровавый кисель,
Заводных соловьёв ядовитая трель.
<...>
Я болею душой, я по праздникам пьян,
Как любой из живущих вокруг «россиян»,
Но довольно давно уже в дней пустоте
Стали гости не те, да и тосты не те.
Иногда даже некому руку пожать,
А ведь мне с ними рядом в могиле лежать,
Среди тех, кто поёт под шуршанье знамён
Есть хозяева милых мне с детства имён,
Но в последние дни изменились они.
Мы с тобою в России остались одни...»⁴⁹*

Далее приведу фрагменты одного подробного интервью взятого осенью 2014 года, отражающего динамику психологических переживаний человека в связи с процессами происходившими в обществе после 2012 года (далее будем называть этого респондента М.)⁵⁰. Он говорил о том, что процесс разобщения между теми кто резко негативно воспринял фальсификации выборов 2011—12 гг. и основной пассивной массой населения нарастал постепенно, но кульминация отчуждения и разобщения наступила весной—летом 2014-го и она имела характер внезапного, шокового воздействия. Вот как он описывал свое состояние: *«Весной и летом волна отчуждения накатила внезапно. Это наступило как стихийное бедствие. Конечно отчуждение нарастало постепенно, но весной все резко, катастрофически усилилось... Произошел какой-то качественный скачек. <...> с весны доселе пассивная часть населения активно ополчилась на так называемых «либералов», то бишь людей, которые поддерживают идею демократического, правового государства, ценность прав человека и т. п. От некоторых знакомых я стал слышать, что слово «либерал» стало для них ругательством. Я сначала не понял, что эта волна агрессии не случайность, а новая реальность жизни.*

Помню, что и агрессивную реакцию прохожих на пикет против вторжения России в Крым, я воспринял сначала как случайность. Как выпады малообразованных, недалеких, да еще и подвыпивших людей... уже позже я понял, что именно эти недалекие подвыпившие люди как раз и отражали точку зрения большинства населения, а не мы, вышедшие на пикет за мир...»

М. говорил о том, что он сначала пытался сохранять позитивное отношение и поддерживать дружеские отношения с теми, кто оказался его оппонентами в отношении присоединения Крыма, но постоянно, сталкиваясь с агрессивными реакциями, понял, что это чрезвычайно трудно: *« <...> кажется, что людей просто обманули... а так-то они хорошие... им просто объяснить надо... Пытаешься относиться с юмором к тому, что недавние хорошие знакомые удаляют тебя из списка друзей в социальных сетях, узнав, что ты сочувствуешь Украине.*

⁴⁹ Орлов А. Мы с тобою в России остались одни...: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/orlov_orlusha/1359616-echo/

⁵⁰ Более полный текст интервью см. в статье Гронский А. Опыт «идейной маргинальности»: от социальной ангажированности к отчуждению и враждебности (феноменологическое исследование) // Теория и практика психотерапии. – 2015, №1. – Стр. 89—96.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psychotherapy.ruspsy.net/article.php?post=436>

<...>

Но мало-помалу приходит осознание горькой правды... как будто ложку за ложкой глотаешь горькое лекарство... правды, что никто твоих соотечественников не обманывал... или точнее обманывал конечно, только нельзя до такой степени обмануть человека, если он сам этого не хочет... ведь нельзя человека даже в глубоком гипнотическом трансе убедить сделать то, что его нравственным нормам не соответствует.

<...>

И самая, что ни на есть неприятная вещь, которая происходит в процессе этого постепенного разобличения, кроме ощущения нарастающего одиночества, – это чувства, которые вроде бы не пристало как-то к своим соотечественникам испытывать, да и вообще к людям. В 12–13 гг. негативные чувства вызывали у меня в основном представители власти – глава государства, депутаты, чиновники и пр., – ведь это же они на народе нашем бедном паразитируют, обманывают его... Но глядя на бездействие и радостную покорность народа постепенно что-то начинает меняться... К представителям власти появляется скорее равнодушие, отношение примерно как в известной притче про змею: «Ведь ты сама виновата, ты же знала, что я змея». За что обижаться на вора, если ты знаешь, что он вор? Если раньше очередной принимаемый депутатами закон, направленный на очередное ограничение прав граждан, вызывал возмущение бесстыжестью и тупостью «избранников народа», то теперь возмущение, презрение и негодование перемещаются на «безмолвие» самого народа».

М. как и многие другие респонденты, разделявшие его позицию, говорил, что сначала пытался разговаривать с оппонентами и доносить им свою точку зрения: «Поначалу <...> я пытался переубедить «крымнашистов-путенцев»... Сначала старался это делать вежливо, чтобы не обидеть. В ответ получал агрессию. В конце-концов понял, что «крымнашиста» лучше не переубеждать, себе дороже будет... Особенно печально, когда «крымнашистами» оказываются друзья, или коллеги, которых ты уважал, или родственники... Это похоже на отношения с тяжело больным, например, шизофреником или наркоманом, но который близок тебе... Сначала кажется, что можно что-то объяснить, договориться и возникнет взаимопонимание... Но каждое новое усилие приводит к одному и тому же тупиковому результату... к новому очередному разочарованию и чувству безысходности... и в какой-то момент понимаешь всю безнадежность усилий и надежд на лучшее. И в отчаянии говоришь: «Да иди ты на хуй! Я больше не буду тратить силы на тебя и на попытки установить взаимопонимание!»

М. говорил, что постепенно у него нарастали чувства презрения обиды. Однако они вступали в конфликт с чувством вины и видением того, что сторонники присоединения Крыма, если абстрагироваться от их политических взглядов, нередко обладают положительными человеческими качествами: «Рефлекторно приходят такие (негативные) мысли, а в следующий момент приходит осознание, что вот те же самые люди, которые вызывают у тебя ненависть своей безропотной пассивностью и зашоренным взором, и которых ты произвольно называешь «быдлом» и «ватниками», в большинстве своем по отдельности, каждый сам по себе, скорее всего умные, добрые и хорошие, и не виноваты они в своем воспитании и в том, что оказались в такое время и в таком месте, и что озлобление на них ни к чему не приведет. И тебе самому только хуже станет, и им глаза не откроет. И говоришь себе, что-нибудь вроде: «Ну не обижаешься же ты на инвалида за то, что он не может бегать! Не обижаешься же ты на свою кошку за то, что она не понимает математики!»

Многие из тех, кто был потрясен военным с конфликтом с Украиной, говорили, что есть очень мало людей и мест, где они могут говорить о своих мыслях и чувствах и встретить понимание. В большинстве же повседневных ситуаций они сталкивались либо с ухо-

дом от темы разговора со стороны собеседников, либо с агрессивной реакцией по типу «Крым наш! Ты что за бандеровцев?», «Почему ты не уезжаешь?» Многие говорили, что слышали от своих знакомых обвинения, что они «пятая колонна» и «национал-предатели». М. так описывал переживание изоляции и дефицита общения: *«Летом и осенью нарастает чувство одиночества. Думаешь, что то, что происходит между Россией и Украиной – это самое важное, что это то, что на долгое время определит судьбу не только Украины, но и самой России. Нужно что-то делать... Хочется обсудить это, но понимаешь, что говорить не с кем! Человек либо начнет заяснять тебе про киевскую хунту, бандеровцев и про то, что на Америку надо скинуть „ядреную бомбу“, либо, если его волнуют более актуальные проблемы, переведет разговор на то, как он давно не был в Италии, или кто может стать новым начальником отдела. При этом глаза его загораются истинным воодушевлением. Не знаю, от чего тошнит больше!»*

Многие говорили, что их поразила поразительная метаморфоза в мышлении окружающих людей. Прочитую еще раз интервью М.: *«Самое интересное, что чувство полной отделенности возникает совершенно внезапно. Происходит метаморфоза. Ощущение примерно такое, что находишься перед тобой хорошо знакомый, близкий тебе человек. Но пока ты его не видел, произошел с ним инсульт, и выключилась какая-то часть его мозга. И вот сегодня он речь твою перестал понимать, а завтра вообще не узнает, а послезавтра готов палкой ударить. Или, как будто, вечером лег спать, а утром проснулся в другой стране. Ну, или в другой эпохе...*

То есть, кажется, что ты мыслишь также как все, и что все испытывают аналогичные чувства к происходящим событиям как ты, и вдруг неожиданно оказывается, что окружающие то мыслят и чувствуют совершенно противоположным образом. Крайне неприятное ощущение. Спасает только интернет, из которого узнаешь, что ты не сошел с ума и есть люди, которые разделяют твою точку зрения. Только они далеко. Вот так и живешь чужим в своей стране».

М. отмечал, что для сохранения психологического равновесия ему приходилось дистанцироваться от людей, ведущих разговоры об Украине и политическом курсе России: *«<...> Летом пик истерического верноподданничества и ненависти к «украинским фашистам». Люди, которые никогда политикой не интересовались, вдруг становятся пламенными патриотами. Просто волшебное превращение! Избегаю присутствовать при разговорах на политические темы, если кто-то начинает, стараюсь отойти в сторону. Все равно ничего, кроме испорченного настроения из этих разговоров не выйдет. Все аргументы известны заранее. И никого ты ни в чем не переубедишь, как, впрочем, и тебя тоже».*

Позже М. говорил: *«2014 год – это год большого разочарования в России как государстве и в соотечественниках, которые раньше воспринимались как вполне добропорядочные, нормальные и разумные люди.*

Меньше чем за год с Россией произошло страшное превращение. Это очень мучительно наблюдать, когда символы, которые раньше были символами национальной исторической гордости, становятся символами преступлений, а еще недавно приличные, разумные, добрые люди начинают напоминать упырей, радующихся чужому горю и жаждущих чужой крови. Многие из них твои друзья и родственники. А у тебя еще остался образ их прежних. Ты за него цепляешься и пытаешься крикнуть им: опомнитесь! А они не слышат».

Многие из тех, кто не принял действия власти в течение последних лет и происходящие массовые процессы, отмечали, что испытывали чувство бессилия от невозможности повлиять на ситуацию. Одна молодая женщина так сказала по поводу своих переживаний из-за фальсификации выборов и «болотного дела»: *«Я очень сильно злюсь, но я ничего не могу сделать...»* М. в интервью говорил следующим образом: *«Поначалу кажется, что нужно найти единомышленников и действовать. Но единомышленников мало... а договориться*

бывает непросто... и действий в результате не получается. Хотя поначалу было немало людей, смотрящих на ситуацию также как я, они были растеряны и никак не организованы».

Респонденты отмечали, что с ходом времени острота переживаний смягчалась. Один из респондентов говорил о том, как постепенно менялось восприятие ситуации с Украиной: *«Не хотелось в это верить. Это вызывало растерянность и непонимание и у меня, и у моих близких друзей».*

А потом мы как-то стали возвращаться в реальность... И кто-то это приветствовал, воспринимал это с некоторой бравадой, а кто-то как я отнесся к этому резко отрицательно.

Казалось, что это какой-то рубикон. Не понятно было как с этим жить и что делать... Если мы способны захватывать чужие территории и начинать войну, то совершенно непонятно как жить в этом государстве теперь... И вообще стоит ли в нем жить, может быть действительно лучше уехать... А потом как-то все успокоилось, улеглось и стало понятно, что как-то жить можно. Что пока еще за слова, если в тюрьму и сажают, то не всех и не часто...» Судя по его высказываниям, ситуация стала восприниматься более спокойно, более отстраненно, более аналитично.

Респондент М. так описывал свое состояние осенью 2014 года: *«<...> Осенью тяжело и постепенно приходит принятие ситуации. Нет больше добрососедского братского украинского народа, наверное, одного из последних, который был готов разговаривать с нами на русском языке. Как нет впрочем больше и того народа, ради свободы которого стоило бы жертвовать жизнью и претерпевать лишения, как это делали идеалисты еще в недавнем прошлом. Остается вопрос как не потерять к нему сострадание, не озлобиться... И еще вопросы: Зачем и как жить дальше в этой стране? Хочу ли я делать что-то хорошее для людей, которые радуются захвату территорий вчера еще братского государства? И если я не могу никуда уехать, как мне сосуществовать с ними? И хотя есть маленькая надежда, что что-то изменится в лучшую сторону, слишком она мала...»*

Через год я задал ему вопрос о том, что изменилось в его отношении к ситуации. Он ответил следующим образом: *«Изменилось многое. Стало больше принятия. Не радостного конечно принятия. Скорее принятия от безысходности, от осознания, что все равно сейчас ничего изменить не получится. Понимание, что ничего изменить нельзя. Можно только наблюдать. Год назад казалось, что можно и нужно что-то делать. Надо только привлечь внимание людей к войне на Украине, объяснять что происходит, и это поможет войну остановить. Не сработало... И сейчас ощущение, что все активные действия бессмысленны. Все идет своим чередом, вся цепочка событий идет своим чередом, и на нее никак не повлиять. Это как будто вагон отцепился от состава и катится под гору. Его уже не остановить. Да и главное останавливать некому... Поэтому буду наблюдать... Происходит принятие того, что темные времена в России надолго. Не на один год... может даже на десятилетия...»*

Что касается отношения к людям. Я в прошлом году уже говорил, что после бесплодных словесных баталий, хочется плюнуть на все, перестать кого-то в чем-то убеждать и предоставить им спокойно жить так как они живут... Типа пусть делают что хотят – хоть героиню ирируют, хоть с крыши прыгают... Но на деле конечно не так просто все... Не так то просто от своих ожиданий отделаться, и когда они обмануты, это болезненно однако...

Это можно сравнить с тем, что был у тебя друг-приятель, и тебе казалось, что мыслите вы одинаково, взгляды у вас похожие, и самое главное, если ты попадешь в трудную ситуацию, твой друг тебе помогать будет. И вот, когда эта трудная ситуация случилась, выясняется, что и взгляды у вас диаметрально противоположные, да и на тебя ему

насрать... Можно конечно убеждать себя, что он имеет право быть таким какой он есть, а то что у тебя ожидания такие были, так ты сам виноват: ты же сам их себе придумал. Только помогает слабо...»

У большинства людей из этой группы наблюдалась схожая гамма эмоциональных состояний, которая менялась во времени. Сначала возникал психологический шок и надежда на то, что ситуация как-то нормализуется, затем возмущение, гнев и желание предпринимать активные действия, затем, когда становилось очевидным, что активные действия ни к чему не ведут, а поддержка от окружения минимальна или отсутствует, приходили чувства изоляции, озлобленности и бессилия. Даже если человек на рациональном уровне все понимал про массовидные явления, для него возникал вопрос, как ему находиться рядом с людьми, ценности которых ему не просто чужды, а вызывают очень сильные негативные эмоции, вплоть до омерзения. Впрочем, разумеется, и оппоненты «отщепенцев» ура-патриоты со своей стороны тоже испытывали отнюдь не теплые чувства, спектр которых мог варьировать от жалости к обманутым американской пропагандой, до патриотического негодования, праведного гнева и т. п. Так один из сторонников существующего режима неоднократно говорил мне, что испытывает отвращение, когда видит, что кто-либо в сети размещает пост, очерняющий личность В. В. Путина.

Выше уже говорилось о явлении медиаинфотоксикации. Безусловно, оно относилось не только к ура-патриотам, оно наблюдалось и у их оппонентов, которые были погружены в текущие новости, которые, конечно же, воспринимались ими негативно и вызвали серьезный эмоциональный дискомфорт. Многие говорили, что чувствовали подавленность, злость, тревогу, страдали от обострения соматических недугов. Обычно эти явления усиливались при интенсивном вовлечении в просмотр новостей и смягчались, если индивид в силу каких-либо причин оказывался оторванным от источников информации.

Многие респонденты с «синдромом отщепенца» говорили о том, что им приходилось по-новому перестраивать отношения с людьми, формировать дополнительную психологическую защиту. Например, одна молодая женщина говорила: *«Я <...> выработала какой-то иммунитет, я не так сильно реагирую на какие-то политические разногласия с хорошо знакомыми людьми. Мне могут не нравиться их взгляды, но я сильно эмоционально не реагирую... А когда убийство Немцова было, мне иммунитета не хватало иногда... Начинались вестись какие-то разговоры, троллинг начинался иногда... Это не только меня касается. Еще нескольких человек, которые придерживаются таких же взглядов в нашей группе, их это тоже сильно задевало».*

Еще один отрывок из интервью М.: *«Для психологического самосохранения просто нужно занять позицию наблюдателя. Ты видишь, что поезд мчится к катастрофе, и ничего не можешь с этим сделать. Можешь только наблюдать. Чтобы как то абстрагироваться от этого, можно представить, что ты как будто бы ученый, например, сейсмолог, который изучает особенности землетрясений в какой-то местности <...> Нередко возникает желание прекратить всякое общение. Но это часто невозможно, не нужно, есть и рабочие, и родственные связи. Поэтому стараешься абстрагироваться от этого, не затрагивать темы, связанные с Крымом, Путиным и т. д. Хотя не всегда получается. То есть появляется область, закрытая для обсуждения. Это конечно сказывается на отношениях. Кстати, с людьми необразованными проще. Им как будто простительно незнание и непонимание. Поэтому и на общении различия во взглядах меньше сказываются. А интеллектуала за такое заблуждение простить сложнее, поэтому и хочется держаться от него подальше, на дистанции...»*

Один из респондентов указывал, что с его точки зрения эти события научили людей большей терпимости: *«Мы учимся с этим жить. Этот кризис послужил катализатором*

того, что мы стали учиться жить, осознавая, что существуют разные позиции, которые могут отличаться радикально».

Прощание с вымышленной страной: стадии культурного шока

Думаю, вполне обоснованно можно сказать, что многие представители либерально мыслящей интеллигенции в последние годы пережили состояние культурного шока. Сначала в 2012—2013-м, а затем наиболее остро в 2014 году они неожиданно для себя осознали, что государство, в котором они живут, о котором у них было сложившееся представление, было плодом фантазии, а также придуманным был и тот народ, который их окружает. Это осознание было особенно болезненным, потому что произошло неожиданно. Как сказала белорусская писательница Светлана Алексиевич: *«Ясно, что мы себе придумали народ, народ какой-то совершенно другой. Мы все говорили, что же он молчит? Но вот он заговорил. Когда он заговорил, то стало очень страшно. Так что это грустно, но мы все живем с чувством поражения»*⁵¹.

Социальные и политические изменения, произошедшие в последние годы в жизни страны, фактически стали психической травмой (хотя конечно и не идут в сравнение по силе воздействия с такими травмами как, например, война, сталинские репрессии или геноцид). Пожалуй, у всех сторонников демократического развития страны и мира с Украиной происходил более или менее болезненный процесс прощания с иллюзиями. Как известно, характер психической переработки имеет общие, универсальные черты. Я попытаюсь систематизировать стадии культурного шока, о котором идет речь. В представленном в предыдущем параграфе описании можно проследить определенную последовательность переживаний, и можно выделить стадии, сходные со стадиями переработки при других ситуациях потери объекта:

Шок, отрицание, нежелание верить в происходящее и надежда на изменение к лучшему.

Гнев и возмущение. Желание активно действовать, чтобы изменить ситуацию. Попытки искать единомышленников.

Разочарование.

Депрессия, апатия и озлобленность.

Принятие ситуации и внутренняя переориентация.

По рассказам респондентов первая типичная реакция на происходящие негативные события («фальсификации на выборах», «оккупация территорий», «военные действия») проявлялась в виде эмоционального потрясения, возмущения, негодования и надежды, что все как-нибудь образуется или что с этим можно справиться, если срочно начать действовать. Возникало желание что-то немедленно делать, «бороться со злом», искать единомышленников. Казалось, что если проявить активность, ситуацию можно изменить. У индивида обычно возникала идея, что он способен убедить близких в своей правоте и привлечь их на свою сторону, «открыть им глаза», однако на практике он обычно сталкивался с «эффектом Кассандры» – окружающие не хотели его слушать и не верили ему.

В непосредственном окружении «отщепенца» встречались чаще всего в основном «премудрые пескари», главный принцип которых – не высовываться. А с людьми близких взглядов, которых все-таки удавалось встретить, нередко возникали расхождения по многим точкам зрения, что затрудняло осмысленную совместную деятельность

⁵¹ «Мы все живем с чувством поражения» Берлинская пресс-конференция Светланы Алексиевич: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/2697749/post373940156/>

Попытки поделиться своим состоянием с ближайшим окружением обычно не приводили к пониманию и облегчению: люди, занимающие аполитичную позицию, не понимали переживаний «отщепенца» – как правило, они переводили разговор на другую тему или превращали обсуждение в шутку. Ура-патриоты реагировали недоумением и гневом. В результате выпавший из общего мейнстрима «отщепенец» чувствовал себя изгоем, переживал психологическую изоляцию. Обычно он слышал недоуменные фразы: «Ну и что? Что такого случилось?», – либо полшутливые, или примиренческие: «Ну, похоже на то. Посмотрим, что дальше будет», «Ну все образуется как-нибудь», «Жаль. Но видимо это исторический путь России».

Немаловажно, что человек, который не принимал официально пропагандируемую точку зрения, попадал под пресс очень интенсивного социально-психологического давления (и как мы покажем дальше, далеко не все смогли выдержать его). Пользуясь метафорой Аркадия Бабченко, эту ситуацию можно сравнить с тем, что условно здорового человека поместили в психиатрический интернат или психиатрическую больницу в палату со слабыми или с острыми психическими больными. Но в каком-то смысле, положение «отщепенца» было еще более трудным. Настоящие психические больные говорят о своем личном бреде и галлюцинациях, они у всех у них разные, и достаточно легко поддерживать понимание, что все их высказывания далеки от истины. В нашем же случае ситуация скорее походила на психологические эксперименты на податливость давлению группы. Один из таких опытов был показан в научно-популярном фильме «Я и другие». В одном из показанных в этом фильме экспериментов испытуемому предлагалось выяснить, есть ли среди представленных портретов разные фотографии одного и того же человека, и указать их. Однако все присутствующие, кроме него были сообщниками экспериментатора и должны были утверждать, что две фотографии непохожих друг на друга людей принадлежат одному и тому же лицу. Многие испытуемые соглашались с аргументацией большинства. Не сложно провести параллель с общероссийским психологическим экспериментом под названием «Чей Крым?»

В этой ситуации у человека, который сохранял свою позицию, несмотря на групповое давление, неизбежно возникало чувство изоляции – он оказывался отличным от всех других. Изначально представители демократически настроенной части общества, о которой здесь и идет речь, чувствовали себя частью своего народа, у них было представление, что большинство людей разделяет их ценности, и что люди будут проявлять активность ради их отстаивания. Но вскоре они поняли, что ошибались. Они давали слишком завышенную оценку народу РФ как целому, и, соответственно, возлагали на него слишком большие нереалистичные надежды. Когда оказалось, что население не готово поддерживать ни гражданские инициативы, ни даже просто демократические ценности, высокая оценка и оптимистические ожидания сменились разочарованием, обидой и гневом. Поучаствовав в п-ном количестве диалогов подобных приведенным выше, противники конфликта с Украиной начинали чувствовать разочарование, а затем полную безысходность и отчаяние. У социально ангажированной интеллигенции возникало чувство, что их устремления и деятельность не востребованы основной частью общества, и что они превратились в изгоев, стали чужими в своей собственной стране. Из этих факторов (неоправданных ожиданий и, казалось бы, немотивированного враждебного к себе отношения («Я ведь за ваши права и свободу выступаю!»)) естественным образом возникали негативные чувства в виде озлобленности, презрения к окружающим как к интеллектуально и морально неполноценным, нежелание принимать участие в социальной активности и нежелание делать что-либо для страны и ее народа, который оказался «предателем». Порыв к действию сменялся разочарованием и апатией. Как оказалось, единомышленников было найти не так просто. Из-за этого постепенно накапливалось чувство одиночества и бессилия, затем оно перерастало в подавленность, возникали нежелание знать что-либо о происходящем в мире, озлоб-

ленность на окружающих людей. Косвенно об этом феномене говорит спад гражданской активности и рекордно высокий уровень эмиграции в 2014 году⁵². Состояние опрашиваемых к концу 2014 года можно охарактеризовать как страх перед будущим, чувство бессилия, депрессию, отчаяние, чувство глубокого разочарования в стране и соотечественниках, гнев и отчуждение по отношению к ним.

В большей или меньшей степени, враждебные чувства, переживались большинством опрашиваемых из этой группы. Что касается механизма их возникновения, то, как известно, нереализованные ожидания порождают чувство обиды. Чувство обиды тесно связано с представлениями о справедливости, обида возникает, когда другой ведет себя не так как должно (исходя из ожиданий обидевшегося).

Через какое-то время у «отщепенцев» постепенно начинал происходить пересмотр представлений о мире и своем месте в нем. Происходил процесс нового самоопределения того, чего субъект хочет, и что он реально может ожидать от жизни и окружающих, ради чего стоит жить и на что стоит направить усилия. Терапевтическая функция этого процесса заключается в том, что хотя новые представления могут быть не такими оптимистичными, как прежние, они все-таки дают ощущение реальной опоры под ногами. Как известно, часть людей, которые не приняли события последних лет в России, эмигрировали, другие замкнулись в своей частной жизни, ушли во «внутреннюю эмиграцию», третьи постарались сконцентрироваться на общественной деятельности, которая оказалась им доступной и представлялась полезной. И, видимо, наиболее сложным было формирование нового отношения к окружающим людям.

«Синдром конформиста». Конформистский спектр

*Мы наслаждаемся и веселимся, как люди
веселятся; мы читаем, смотрим и судим
о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят;
но мы и отшатываемся от «толпы», как люди отшатываются;
мы находим «возмутительным», что люди находят возмутительным.
Люди, которые не суть нечто определенное и которые суть все, хотя
не как сумма, предписывают повседневности способ быть.
М. Хайдеггер «Бытие и время»*

Далеко не все люди могли противостоять интенсивному групповому давлению и суггестивному влиянию пропаганды. В результате с большей или меньшей степенью искренности они приняли точку зрения, провозглашаемую государством и референтными группами, к которым они принадлежали. А межличностное давление было в 2014—2015 годах чрезвычайно интенсивным, да и в 2016-м, хотя накал страстей спал, остается довольно сильным – вот как описывает ситуацию мужчина, работающий в такси: «В нашем чате два-три таксиста критикуют власть, так большинство их считает предателями страны и говорят чтобы они валили в Европу. По моим наблюдениям на сто человек 5 человек трезво смотрят на власть сейчас».

Конформистское поведение в рассматриваемом нами контексте неоднородно, поэтому можно говорить скорее не о едином синдроме, а о спектре конформистских реакций.

Как известно, в психологии конформизм делится на внешний, когда личность только внешне демонстрирует согласие с мнением группы, внутренне сохраняя свою индивидуальную точку зрения, и внутренний, структурный, когда под давлением группы, индивид начи-

⁵² Эмигранты новой волны // <http://www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml> – 01.11.2014: [Электронный ресурс] – Режим доступа: Газета.ру

нает на личном субъективном уровне воспринимать чужое мнение как свое собственное. На мой взгляд, спектр конформистских реакций в нашем случае, с одной стороны, граничит с полным безразличием к общественной жизни, что условно можно назвать позицией социального аутизма, с другой, он плавно переходит в «синдром ура-патриотизма». Можно предположить, что для большинства ура-патриотов приступ псевдопатриотического угара был обусловлен именно зависимыми чертами в организации личности и механизмами структурного конформизма, сочетающегося с демонстративными поведенческими реакциями. Можно предполагать, что большинство ура-патриотов приняли предлагаемую пропагандой точку зрения как бы автоматически, без какого-либо анализа информации. Можно предположить, что истинные фанатики, поддерживающие имперскую, милитаристскую политику, как и в других группах объединенных на основе фанатизма, составляли меньшинство, и их личностная организация скорее соответствует застревающему, паранойяльному типу.

Бруно Беттельгейм⁵³, анализируя почему многие жители нацистской Германии стали разделять фашистскую идеологию, пришел к выводу, что добровольное принятие навязываемых идей и форм поведения позволяло личности избежать внутреннего конфликта и сохранить чувство самоуважения. Кроме того и сами идеи могут быть психологически привлекательны для индивида, но об этом речь пойдет в следующей части книги.

Также существует достаточно большая группа людей, которые демонстрируют преимущественно конформистские реакции, которые образуют достаточно широкий спектр. На одном полюсе этого спектра находится демонстративная позиция полной аполитичности. Я предполагаю, что в действительности за внешне декларируемой позицией аполитичности стоят разные мотивации. Возможно, что некоторая часть людей не интересуется общественной жизнью из-за узости кругозора, общей интеллектуальной и эмоциональной неразвитости. Но обычно такие люди даже не говорят, что они находятся «вне политики» поскольку это не входит в круг их понятийного аппарата. Возможно, есть люди, которые решили порвать связь с общественной жизнью, потому что посвятили себя какому-то делу, которому отдают все силы, например, религии. Но предполагаю, что такие случаи составляют весьма небольшую часть. Моя гипотеза состоит в том, что большинство людей занимают аполитичную позицию, не потому что она соответствует их глубинным убеждениям и интересам, а потому что она воспринимается ими как безопасная и одновременно социально одобряемая.

Вот зарисовка атмосферы в офисе крупной компании, которую давала одна из респондентов:

«Если говорить про мою работу, то там всегда все достаточно индифферентно. Люди там могут быть недовольны курсом доллара или евро, но на политику это никогда не переходит.

Я вспоминаю, разговоры о политике у меня на работе возникали один раз, когда ввели санкции на продукты. Кто-то говорил, что теперь будут свои продукты и будет все хорошо, кто-то говорил, что цены вырастут, и будет совсем ужас. Видимо сама атмосфера офиса хорошо пресекает эти разговоры. Они мне запомнились, потому что никто в другое время у нас ни о политике, ни на около политические темы не разговаривал, и, более того, многие люди, по моим ощущениям, даже не знают, что происходит, им настолько все равно.

<...>

Люди, которые здесь работают, точно знают, что их не сократят, у них не понизится зарплата. Максимум, что будет, она просто не вырастет. Чувство безопасности, по моим ощущениям, создает эффект такой большой индифферентности.

⁵³ Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма // «ЗНАНИЕ-СИЛА» – N8, 1997.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Bett_Total.php

Их волнует курс евро, потому что при их зарплатах многие летают в отпуск за границу. В этом смысле, вот это их беспокоит. Такие разговоры слышно регулярно: «А сколько евро стоит?»

Вот типичные высказывания людей, декларирующих свое неучастие в политической жизни:

«Я вне политики!», «Пусть себе дерутся за власть. Мне все равно», «Нет смысла бороться за свои права и ходить на митинги. Митинги проводятся для того, чтобы использовать вас в своих целях. Так было и так будет!», «Подумаешь диктатура! В Америке диктатура еще страшнее, потому что она незаметная. А мне и при диктатуре нормально!», «Справедливости не бывает. Надо просто уметь приспосабливаться!», «Пусть хоть фашизм! Я врач! Мое дело людей лечить».

Обычно на словах такой аполитичный человек обосновывает свою позицию тем, что он прозорлив и поэтому не подвержен влиянию толпы и не хочет, чтобы его использовали какие бы то ни было политические силы в своей игре. Или тем, что «наш народ все равно еще не созрел до демократии», и пусть все идет своим чередом, или тем, что демократы толкают общество «из одной тюрьмы в другую». В целом, как правило, они демонстрируют благожелательность и принятие всем и всему. Например, к обстрелам территорий удаленных от их собственного месторасположения, аресту оппозиционеров. Но в тоже время они совсем не против мира, либерализма, демократии и легитимных выборов. Конформисты, находящиеся к ближнему полюсу «аутистического» спектра говорят, что политика их не интересует, потому что она им просто неинтересна. Или потому что они интересуются чем-то другим, например, музыкой, психологией и т. д. У части людей позиция аполитичности является достаточно осознанной, а иногда агрессивно отстаиваемой. Нейтральные конформисты, несмотря на внешне демонстрируемую уживчивость, могут становиться весьма злыми и раздражительными, если им намекают, что было бы неплохо заботиться не только о сиюминутных личных интересах. Конечно же, их гнев не распространяется на подавляющее большинство или общепризнанный авторитет (разве что только в очень узкой кулуарной обстановке).

Я весьма далек от того, чтобы осуждать конформистское поведение. Как известно, все мы в тех или иных ситуациях являемся конформистами. Однако иногда оно выходит за границы не только моральных норм, но и банального благоразумия. В этом отношении его можно рассматривать как одну из черт тоталитарной личности, о которой речь пойдет в следующей части книги. По моим наблюдениям, за декларируемой аполитичностью очень часто стоял страх и/или глубокое убеждение, что человек в принципе не способен влиять на власть и невозможно отстоять свои интересы честными способами (можно лишь вступить в сговор с властью или обхитрить ее пока она не видит). Относительно аргумента «отделения себя от толпы», к которому, кстати, часто прибегают психологи, думаю, здесь мы имеем дело с мнимым отделением – его социально одобряемой имитацией (цитируя М. Хайдеггера: «но мы и отшатываемся от „толпы“, как люди отшатываются»). Что касается объективных данных, подтверждающих мои наблюдения, то в опросе, проведенном Левада-центром в 2014 году, 70% респондентов согласились с пословицей «Хочешь спокойно жить, не высывайся»⁵⁴.

Вернусь к непосредственным наблюдениям. Например, одна из женщин активно настаивающая на единственности правильности своей аполитичной позиции говорила: *«Не понимаю, какой смысл ходить на митинги. И писать статьи на политические темы. Все равно*

⁵⁴ Волков Д., Гончаров С. Левада-центр: демократия в России. Установки населения, 2015. – С. 11.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf

ничего не изменишь. Всегда так было и так будет. Зачем бороться с ветряными мельницами. Лично я занимаюсь только своей семьей!» Правда из других ее высказываний вырисовывалась картина, которая, пожалуй, более достоверно объясняет происхождение ее личной философской жизненной позиции. Она говорила, что ее муж является успешным бизнесменом. С ее точки зрения все успешные бизнесмены находятся под наблюдением ФСБ. И якобы даже мобильный телефон ее мужа прослушивается, поэтому даже говорить на политические темы не очень безопасно, так как это может повредить бизнесу.

Одна девушка, возмущенная срывом концерта группы Behemoth православными активистами, пришла на митинг по этому поводу. Она сказала: *«Не знаю, имею ли я право находиться на митинге. Я недавно вступила в одну религиозную организацию, не скомпрометирую ли я ее участием в таких мероприятиях»*.

Высказывание молодой женщины, которая случайно попала на оппозиционный митинг: *«Меня страшно пугает все, что связано с политикой»*.

Одна из респондентов, психолог, говорила, что в психологических консультациях, которые она проводила, всплывал конфликт между желанием принять участие в гражданской активности и страхом перед государством: *« <...> некоторые клиенты говорят о страхе перед государством. Некоторые говорят, что страшно. Когда была ситуация с запретом оперы «Тангейзер» в Новосибирске, некоторые клиенты говорили, что их это как-то задело. Некоторые говорили, что ходили на митинг в поддержку «Тангейзера». А некоторые говорили: «Хочу пойти, но боюсь»*.

Некоторые люди говорили, что решили не ходить на митинги, когда узнали, что на митинги за мир с Украиной совершают нападения провокаторы. Для некоторых основной страх был связан с осуждением и отчуждением со стороны друзей. Еще один респондент, врач-психотерапевт говорил: *« <...> весной 2014-го некоторые клиенты говорили о том, что они переживают по этому поводу [конфликта с Украиной] и, в частности, говорили о том, что им нужно выбирать, потому что их знакомые расслоились, – например, одна девушка-клиентка говорила мне, что не знает, чью сторону принять <...> »*

Еще один тип аполитичности, который также можно расценивать как форму конформистского поведения, проявлялся в поведении, выражающемся в попытках всеми силами избежать разговоров на политические темы. Правда, в этом случае, в отличие от открыто «аполитичных», человек делает это с помощью различных уловок, видимо упреждая любую возможность конфронтации мнений. Он любым путем уклоняется от высказывания своего суждения. Чтобы проиллюстрировать, как выглядит это поведение со стороны, вновь процитирую интервью: *«У некоторых таких «внеполитичных» при возникновении политической темы в разговоре на лице появляется отчетливый страх и разговор как будто сам собой сворачивается. Нередко чувствуется физическое напряжение и на лице собеседника появляется бегающий взгляд, он резко меняет тему разговора, например, на погоду... Другие на сообщения о социальных событиях, например, что ограничения в интернете вводят, или налоги повышают, или военные действия идут, реагируют беззаботно, благодушно, безоблачно, как ребенок. Например:*

– Похоже война с Украиной начинается!

– Хе-хе. Похоже! А мы вчера с женой отлично в «Икеа» съездили...»

Человек, который проявляет ту или иную степень социальной или политической вовлеченности, независимо от его конкретных взглядов, вызывает обычно у «аполитичного» индивида большую или меньшую степень раздраженности, т.к. нарушает его стабильную картину мира, является нарушителем его душевного спокойствия, а также активизирует бессознательное чувство вины. Как писал В. Райх: *« <...> аполитичность свидетельствует о наличии не пассивного психологического состояния, а в высшей степени активного отно-*

шения, защиты от сознания социальной ответственности»⁵⁵. Обычно в интерпретациях «аполитичных» гражданские активисты и другие социально активные граждане представляются как люди явно неадекватные («больше всех надо»), либо как хитрецы, преследующие корыстные цели («политику мутит»). Типичные высказывания «аполитичных»: «Ему просто заняться нечем!», «Да те, кто на митинги ходят, они ненормальные!», «Он там политику мутит», «Она у нас честная! (иронично) Она даже на митинг за честные выборы ходила!»

Еще один тип конформистского поведения проявлялся в том, что человек демонстрировал различные точки зрения, в зависимости от того кто был его собеседником. В беседе с ура-патриотом он поддакивал ура-патриоту, а в беседе с «либералом» соглашался с «либералом». Некоторые в социальных сетях писали комментарии разного характера, в зависимости от того с кем вели беседу. Некоторые, несмотря на то, что не верили в «фашистов» на Украине, оправданность военного вторжения и какие-либо преимущества в этом для России, тем не менее, вешали у себя в автомобиле георгиевскую ленточку.

Таким образом, конформистское поведение представлено спектром реакций, включающих не критическое принятие мнения окружающих (что в нашем случае совпадает с синдромом ура-патриотизма), внешнюю имитацию согласия с господствующей точкой зрения, смену точки зрения в зависимости от сиюминутного окружения, декларацию аполитичной позиции, уклонение от разговоров, в которых нужно обозначать свое личное отношение к происходящему. Социальные и моральные последствия конформизма мы обсудим ниже.

Разобщение

Описанные выше явления представляют собой проявление процесса дезинтеграции, происходящего в обществе, в отношениях между людьми и на индивидуальном личностном уровне. Межличностное разобщение и напряженность вызывали тревогу не только «отщепенцев», оставшихся в меньшинстве, конформистов, определяющихся к чьей точке зрения следует примкнуть, но и у некоторых ура-патриотов. Один из представителей ура-патриотов в октябре 2015 года сказал мне, что обрадовался, когда услышал, что поддержка Путина выросла до 90%. С его точки зрения, это отражало процесс единения общества. До этого он переживал из-за напряженности, которая возникла между людьми в связи украинскими событиями.

Главной причиной разобщения в данном случае стали мировоззренческие различия. Безусловно, они существовали всегда, но не становились причиной противостояния и межличностных конфликтов. Конфликт этих различий был обострен текущей внутривнутриполитической, внешнеполитической и военной ситуацией. Для либерально настроенной интеллигенции вторжение в Украину означало не только неприемлемую морально братоубийственную войну, но и потерю последней надежды на то, что российское общество будет развиваться в направлении демократии. И соответственно ура-патриот для него – это человек, олицетворяющий социальную инерцию и ставший неожиданным препятствием для реализации жизненно важных ценностей. Для ура-патриота «либерал» – неприятный фактор, укоряющий его за реализацию давнишнего желания «встать с колен» и вернуться к упорядоченной, регламентированной жизни СССР, и соответственно являющийся объектом справедливого гнева. Как мы знаем, раньше, в более спокойные в социально-политическом и военном отношении периоды, эти различия в политических взглядах и моральных ценностях, хотя и существовали, но не оказывали существенного влияния на чувство связанности с окружающими людьми.

⁵⁵ Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб: «Университетская книга», 1997. – С. 206.

Дифференциация

Как уже говорилось выше, по отношению к крымско-украинским событиям люди дифференцировались на три группы. Наиболее энергичными сторонами конфликта стали, с одной стороны, искренние сторонники аннексии Крыма и войны и, соответственно, поклонники президента Путина. Другой стороной конфликта стали так называемые «либералы». По данным социологических опросов, первоначально сторонниками аннексии Крыма были 70% населения, впоследствии, видимо в результате реакции конформности, их количество стало расти. По всей вероятности, настоящих фанатичных приверженцев ультранационалистических, имперских взглядов среди группы «ура-патриотов» было не так много, большинство принимало официальную точку зрения из конформистской мотивации. Дифференциация позиций по этому вопросу сразу же привела к сильному напряжению, как на уровне общества, так и между хорошо знакомыми и ранее хорошо ладившими между собой людьми.

Процитирую интервью руководителя клуба интеллектуальных игр:

«<...> я захожу в группу, связанную с моим хобби, клуб интеллектуальных игр. Там собрались люди противоположных взглядов – термины, которые я не использую, но в одной команде состоят и „либерасты“, и „ватники“. Эта группа очень конфликтная в плане политики. Если мы ссоримся, то это происходит из-за политики. За последние два года ситуация поменялась – поначалу политические разногласия, хотя и обсуждались, они не были острыми. Потом они стали серьезными, когда упал Боинг, ввели продуктовые санкции. В 2014-м, до Нового 2015 года были конфликты вплоть до того, что люди не хотели друг с другом общаться, разговаривать, выходили из клуба. Потом все утихло. На собраниях игрового клуба особенно не поболтать, поэтому разговоры на политические темы угасали. Потом сильная вспышка была в связи с убийством Немцова. Снова были конфликты, обсуждения, обвинения в адрес друг друга. На фоне политических событий группа всегда немного изменялась, но мне этот период запомнился, потому что он был очень конфликтный».

А так описывал атмосферу в офисе директор агентства недвижимости: *«Это первый раз за мой опыт взаимоотношений с сотрудниками, когда политический вопрос стал предметом споров и вызвал серьезные противоречия. Многие радовались Крыму, чего я не понимал. Когда я говорил, что последствия могут быть очень неблагоприятными, особенно в экономике, это вызывало очень негативные и болезненные реакции. Эти последствия никого не волновали. Однажды одна сотрудница назвала меня „пятой колонной“. Кажется, тогда этот термин был только введен в обиход. Впервые разговоры в офисе были с сильными спорами, люди даже ссорились».*

Еще одна зарисовка из сессии групповой супервизии, состоявшейся вскоре после убийства Бориса Немцова:

Супервизируемый психотерапевт рассказал, что у него есть клиентка, которая в течение года посещает его психотерапевтическую группу. В группу ее привели проблемы в межличностной коммуникации с близкими людьми. В процессе групповой психотерапии ее проблемы общения с близкими постепенно разрешались и теряли актуальность. В качестве своей личной трудности в работе с этой клиенткой терапевт обозначил то, что на протяжении всего курса психотерапии клиентка периодически жаловалась на свое беспокойство по поводу политической ситуации в стране, связанное с ущемлением гражданских свобод, политическими репрессиями, возрастанием уровня агрессии среди населения и зависимости общественного мнения от пропаганды. По ее ощущениям, жизнь в стране становилась все более небезопасной. Однако другие участники группы обычно не разделяли его тревог

и опасений. Вынести случай на супервизию терапевта побудил инцидент, произошедший на занятии групповой психотерапии, которое состоялось через два дня после убийства Немцова. Клиентка поделилась своей обеспокоенностью, связанной с этим событием, и поинтересовалась, чувствуют ли остальные участники нечто подобное. На что почти все, кроме одного члена группы, и ведущий в том числе ответили ей, что это событие их эмоционально не затронуло, и никакой обеспокоенности они не чувствуют и не понимают, почему это беспокоит ее, но в то же время сочувствуют этой клиентке, поскольку она принимает происходящие события слишком близко к сердцу. В конце занятия клиентка сказала, что чувствует злость на группу и нежелание общаться с ее членами.

Представив случай для супервизии, терапевт сказал: «Я не понимаю ее состояния, того из-за чего она беспокоится. Я не понимаю ее агрессивной эмоциональной реакции на группу, ведь ей же уделили внимание. Я хочу узнать, какой психотерапевтической тактики следует придерживаться с этой клиенткой». Он выдвинул гипотезу, что в действительности тревога клиентки связана с ее межличностными контактами, и она просто проецирует ее на более широкий социальный контекст, в котором эта тревога не имеет никаких реальных оснований.

Учитывая общее распределение позиций в обществе, неудивительно, что распределение эмоциональных реакций участников супервизионной группы в целом повторило распределение, которое возникло в группе психотерапевтической, и которое встречалось в повседневной жизни. Большинство участников сказали, что не интересуются политикой, убийство Немцова не привлекло их внимания, а состояние клиентки обусловлено каким-то непонятным эмоциональным нарушением.

Кому-то, может показаться, что описание реакций участников супервизионной группы носит карикатурные черты, и в этом месте можно просто посмеяться. Но, к большому сожалению, это не карикатура.

И еще одна цитата, отражающая отношения между людьми после весенних событий 2014 года: «<...> все конфликты, которые назревали между людьми, обострились. Я слышал, что из-за Крыма распадались семьи, люди разводились... Сам я поссорился с другом, мы не общаемся уже больше года». В целом, ссоры со старыми друзьями и прекращение общения из-за позиции по Украине стали обычным явлением.

То, что стало наиболее стрессовым фактором для той и другой идейно полярных сторон, это то, как непредсказуемо прошла линия разлома. Этот разлом продолжает тянуться и в 2016-м. На сторону политики Путина в Украине вставали люди, от которых этого можно было меньше всего ожидать. Большинство ура-патриотов стали ура-патриотами после аннексии Крыма, более того, многие из них до аннексии были настроены весьма критично к действующей власти и президенту, многие еще недавно придерживались даже либеральных взглядов, а некоторые даже сочувствовали Майдану. Но аннексия, зажёгшая пламя великороссского имперского патриотизма, буквально переплывала их мировоззрение.

Эта новая роль не зависела напрямую ни от уровня образования, ни от интеллекта, ни от рода занятий. Поразительно, что к этой позиции нередко присоединялись люди высокообразованные. Что касается артистов, то достаточно предсказуемо, что позицию Путина поддерживали представители поп-сцены, которые зависят от гонораров, получаемых на официальных корпоративах. Хотя были и приятные исключения, например, Алла Пугачева. Но совершенной неожиданностью стало то, что антиукраинскую позицию заняли многие известные представители рок-сцены, например, тот же Константин Кинчев из группы «Алиса», чьи песни в 80—90-е годы ассоциировались со свободой. В разряд ура-патриотов записали себя участники группы «Чайф». Некоторые меняли свою позицию на диаметрально противоположную. Дмитрий Ревякин, лидер группы «Калинов мост», сначала поддержавший Майдан, в интервью Захару Прилепину стал заверять, что он «имперец»

и расписываться в благодарностях Мотороле за то, что тому понравилась его песня⁵⁶. Малоизвестные представители рок-андеграунда стали проводить свои фестивали под флагом «ДНР». Может быть, некоторые из них искренне верили в то, что «ополченцы» в «ДНР» сражаются с украинскими фашистами, но, в целом, самоотождествление андеграунда с олигархической государственной властью, проводящей милитаристскую политику, означает предательство собственных основ. Кто перейдет на какую сторону было практически невозможно предсказать. Разные стороны могли занять бывшие единомышленники и коллеги. Например, противоположные позиции по Крыму заняли Диана Арбенина и Светлана Сурганова, некогда бывшие партнерами по группе «Ночные снайперы». И в целом, это было неожиданно, так как рок-сцена традиционно воспринималась как символ свободы.

Зачастую обнаружение различий во взглядах по этим вопросам было полным шоком для той и другой стороны. Казалось бы устоявшийся социальный мир показал свою прозрачность. Ни на кого больше нельзя было заведомо положиться. Надо было исследовать заново кто свой, кто чужой.

Самой обычной формой выражения отвержения было исключение из списка друзей в социальных сетях. Но наиболее болезненными были ситуации, когда раскол происходил между очень близкими людьми. Как известно, он затронул не только старых друзей, но и семьи. Приведу небольшую зарисовку житейской ситуации в социальных сетях:

«До чего же сложной стала жизнь в России!»

Теплый сентябрьский вечер, пахнет опавшими листьями, тишина... Сидим с подругой в открытом кафе и пьем виски. Подруга – предмет зависти всех окружающих ее дам, давно и счастливо замужем за классным парнем.

Но сегодня что-то в меланхолии, сидит, позвякивает льдом в бокале.. Молчу, ни о чем ее не спрашиваю... пьем..

Наконец, после третьего бокала, вздохнув, говорит:

«Я десять лет целовала эти губы, а теперь у него «крымнаш», «нами правит лучший в мире президент, который всех поимел», «сталин – величайший правитель в истории России, он ее поднял из руин, а вы все сврети».. И, да, конечно, «мы в кольце врагов, но послезавтра встанем с колен и завоюем всех, а Америка напала на весь мир, они тупые и бездуховные, не то, что мы, великие русские»

Люблю его, но как теперь с этим жить? Хочется выпить яду».

Молчу.. Что тут скажешь?»⁵⁷

В плане проведения исторических параллелей любопытно отметить, что в соответствии с описанием Б. Беттельгейма⁵⁸ подобного рода идейный раскол на уровне семейных отношений имел место в Германии после прихода к власти нацистов.

Позже многие люди понимали, что им необходимо иметь дело друг с другом в силу деловых или рабочих связей. Для некоторых были важны их прошлые дружеские отношения. Но обычно после раскола взаимоотношения уже не становились прежними, они переходили на более формальный уровень или были окрашены настороженностью и скрытой неприязнью. Когда я спрашивал людей, что будет с нарушенными отношениями в будущем, то получал такие ответы:

«Наверное, зависит от человека. Кто-то забывает, кто-то не забывает. Лично у меня память хорошая. Некоторые темы с этим человеком я никогда не буду обсуждать».

⁵⁶ <https://youtu.be/mxH5WCROpC4>

⁵⁷ <https://www.facebook.com/udacheva.eva/posts/1180384705308689?fref=nf>

⁵⁸ Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма // «ЗНАНИЕ-СИЛА» – N8, 1997.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Bett_Total.php

«Раньше я не делила своих знакомых на основе политических взглядов. Сейчас такой критерий точно добавился. Когда знакомишься с человеком, то достаточно скоро понимаешь, каких он взглядов придерживается. И это влияет на отношение к нему».

«В будущем я уже не смогу иметь дело со сторонниками Путина. Я просто больше не смогу их уважать».

Судя по публикациям в прессе процессы схожие с российскими происходили и в русскоязычной диаспоре за рубежом. Так лично меня поразило, когда моя знакомая из России, живущая в ЕС, стала убеждать меня в правильности политики Путина! Приведу выдержки из статьи в Deutsche Welle о русской диаспоре, которые демонстрируют, что среди живущих в Германии происходило то же, что и у нас в стране – исключение из друзей в социальных сетях, невозможность донести свои аргументы до собеседника и пр.⁵⁹:

История Анастасии: «Сторонников сепаратистов в семье нет. Жена брата, правда, в первое время хотела, чтобы Донецкая область присоединилась к России, но потом, увидев, как ведут себя на востоке Украины российские военные, поняла, что происходит на самом деле, и передумала, рассказывает Анастасия. А отец с матерью и брат с самого начала поддерживали новую власть в Киеве. Очень уж им, как и самой Анастасии, досаждала повальная коррупция во времена Януковича.

Среди русскоговорящих знакомых Анастасии – главным образом единомышленники, с которыми она познакомилась на демонстрациях в поддержку Майдана. А вот «В Контакте» ее, назвав «фашистом» и «бандеровцем», многие из друзей удалили. И даже родственники в России не верят, что она им рассказывает о реальном положении дел в Донецке, о произволе, который чинят сепаратисты в отношении ее родственников».

История Алены: Алену из Запорожья удивляют некоторые давно осевшие в Берлине украинцы. Их пропутинские настроения она тоже объясняет в первую очередь российским телевидением, к которому они привыкли за долгие годы жизни в Берлине. «Как можно быть патриотом чужой страны, – спрашивает Алена. – Откуда такая слепая любовь к Путину?» Алена из Запорожья домой не собирается. Пытаться спокойно разговаривать с такими, как выразилась Алена, «упертыми» практически невозможно. «Они не слушают никаких доводов, и аргументов у них нет, – сетует она, – только пересказывают увиденное по Первому каналу или в программе у Киселева».

Хотя идеологический раскол явился травматическим опытом для всех, но в большей степени все же для тех, кто остался в меньшинстве.

Экзистенциальный раскол

Один из респондентов так определил характер того, что произошло между людьми: *«Раскол. Причем не только идейный. Скорее экзистенциальный. Политика это одна из форм, выражающая смысловые отношения к базовым вопросам: Что такое человек? Что такое свобода? Что такое Родина? Тема ответственности и многое другое».* Любопытно, что он единственный из тех, кому я задавал этот вопрос, кто нашел этот раскол позитивным для себя: *«Я доволен результатами этого раскола, этого расхождения. Доволен тем, что люди, с которыми мы постоянно раньше общались, в общем-то, в силу традиции, привычки, многие стали мне довольно чужды. Я им тоже стал чужд. И это на самом деле освободило меня, например, от затрат времени на в принципе бессмысленное общение. Это дало мне, с другой стороны, доступ к контактам с новыми людьми с которыми я действи-*

⁵⁹ Конфликт Москвы и Киева расколол «русский Берлин»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dw.com/p/1HW5V>

тельно больше нахожу общих настоящих интересов, идей. Я доволен этим расколом, и я не собираюсь возвращаться...»

Я тоже думаю, что расхождение в политических взглядах – это всего лишь поверхность. В постсоветской России было очень много поводов для политических дебатов, начиная с 1992 года, но, наверное, никогда они не доходили до личной ненависти и презрения к оппоненту. Похоже, на этот раз в конфликт вступили глубинные ценностные установки и устремления – стремления к тревожной свободе либо к спокойному (хоть и не очень сытому) рабству, ценность братских отношений с исторически родственным народом либо стремление ощутить свое превосходство любой ценой, не разбираясь в средствах. Как сказал один из респондентов по поводу разногласий, возникших в 2014 году: *«Эти разногласия очень принципиальные, они как будто на каком-то стыке – добро и зло, черное и белое»*. И эти ценности оказались очень жизненно важными, в сложившейся ситуации они не могли спокойно сосуществовать вместе – торжество одних означало поражение других. И носитель противоположных оказывался противником. Уровень возмущения и гнева был связан еще и с тем, что люди ставшие оппонентами только что считали друг друга единомышленниками, ожидали поддержки от другого. Т.е., говоря психологическим языком, находились в симбиозе, в слиянии. Поэтому, как уже говорилось выше, внезапное обнаружение этих различий воспринималось как предательство.

О непримиримости этих противоречий в текущей ситуации говорит и то, что разговоры между сторонниками разных позиций никогда не приводили к корректировке представлений другого человека или какому-либо компромиссу. 2014 год был временем горячих политических дискуссий по поводу украинских событий. Видимо и той и другой стороне, поначалу казалось, что можно легко переубедить оппонентов. Однако, как показал опыт, в подавляющем большинстве случаев переубеждение было невозможно. Дискуссии нередко завершались тем, что в итоге стороны клеймили друг друга словами «фашист» и «ватник», и после этого обоюдное общение заканчивалось.

Так почему же диалоги между «ура-патриотом-ватником» и «либералом-пятиколонником» всегда заходили и заходят в тупик? Думаю, дело не только в заряженности сильными эмоциями, но и в том, что они живут в кардинально разных системах ценностных координат. Поэтому любой аргумент, кажущийся совершенно здравым и рациональным одной стороне, для другой, в связи с ее ценностными ориентациями, не имеет достаточно весомого смысла. Ура-патриот мыслит в дуальности внешние враги и своя страна (СССР, Россия), «они или мы». Для «либерала» важна дуальность наличия личной свободы и достоинства человека или их отсутствие. Он апеллирует к международному праву, конституции, справедливости, ценности человеческой жизни, свободе самоопределения, гуманизму. Ура-патриот же аргументирует неизбежностью геополитического противостояния, особым цивилизационным путем России, ее правом подчинять себе другие народы (для их же блага), важностью военной мощи страны, а не интересов личности, порядка, а не свободы. Полагаю, что одним из ключевых моментов в мышлении ура-патриота было личностное отождествление с «встающей с колен империей» и с ее символами. Поэтому любая критика государства, даже обоснованная, воспринималась им как удар по его личности. С другой стороны, ценности к которым апеллировал «либерал», не имели для него никакого значения, т.к. не были встроены в его личную систему ценностей. Поэтому, если оппоненты и слышали доводы друг друга, в картине их мировоззрения, они не являлись существенными.

Приведем пример типичного обмена мнениями между «ватником» и «либералом». Несмотря на видимую гротескность, все приведенные реплики взяты из реальной жизни.

В.: Мы живем в демократической стране. Если я захочу, я смогу пойти на выборы и проголосовать.

Л.: Ты понимаешь, что выборы сфальсифицированы?

В.: Ну и что! Это во всех странах так! Зато у нас свобода слова. Можно говорить что хочешь!

Л.: Ты знаешь, что на людей заводят уголовные дела просто за перепост статьи в интернете?

В.: А вот будь моя воля, я бы всех, кто в интернете пишет, пересадила!

Л.: А за что тех, кто на Болотную площадь посадили?

В.: Ну как! Они нарушили общественный порядок.

Л.: Но ведь если и нарушили, сроки ведь несоразмерные.

В.: Нечего было «лодку раскачивать». Тем более, они по заказу американцев действовали.

Л.: А ты слышал, что Путин дома взрывал?

В.: Ну и подумаешь! Ой-ой-ой! Зато он Россию поднял! И в стране у нас теперь стабильность.

В одном из интервью осенью 2014 года писатель Виктор Ерофеев сказал, что в России идет война менталитетов⁶⁰, подразумевая менталитет, основанный на ценностях современной западной цивилизации, и архаичный менталитет 17 века. К сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать, что война менталитетов уже завершилась. Завершилась с очевидным преимуществом сторонников архаики. И пока неизвестно, когда ситуация изменится в другую сторону.

Психологическая атмосфера

Безусловно, что люди в этот период испытывали большой спектр эмоций, но одной из основных в период «крымской эйфории» и последующих периодов стала откровенная или плохо маскируемая ненависть. «Ватники» чувствовали ее по отношению к «киевской хунте», «укрофашистам», Америке, «Гейропе», к «либерастам» и «пятой колонне». А многие представители «либералов» в свою очередь желали смерти Путину и посылали проклятия тем, кто его поддерживает, разражались гневными тирадами в адрес пассивно молчаливого большинства.

Агрессивные чувства многих россиян были направлены на Украину еще во времена Майдана. Как говорил об этом Александр Невзоров: «Это была настолько односторонняя и злобная реакция, что в ответ на совершенно однозначные кадры расстрела людей, в России начиналось чуть ли не ликование»⁶¹. На мой взгляд, может быть слово «ликование» здесь слишком сильное, но, по крайней мере, точно наблюдалось злорадство и полное отсутствие сочувствия. Регулярно приходилось слышать реплики и рассуждения о том, что «они сами виноваты», «свои своих же специально расстреляли», «это американцы устроили, нечего было с ними связываться» и «жизни свои Небесная сотня потеряла зря». Как я уже писал выше, в последующем уровень гнева к Украине стремительно взлетел вверх в мае 2014 года.

⁶⁰ Ерофеев В. «Россию нужно заморозить, чтобы не воняла»: [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://glavred.info/mir/rossiyu-nuzhno-zamorozit-chtoby-ne-vonyala-pisatel-rf-293882.html>

⁶¹ Александр Невзоров Ненависть россиян к украинцам глубока и фундаментальна: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aboutru.com/2015/11/20658/>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.